

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 16

1984

Леонид ЛЕНЧ

**ОНА БЫЛА
КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 16

Леонид ЛЕНЧ

ОНА БЫЛА КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА

Повесть и рассказы

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Леонид ЛЕНЧ

Леонид Сергеевич Ленч (Попов) родился в 1905 году в Смоленской губернии. Отец его был военным врачом. Детство прошло в Ленинграде. Учился в 3-й Петроградской гимназии и в Ростовском-на-Дону университете, на экономическом факультете. Был профработником, кооператором, экономистом, журналистом. В качестве фельетониста, очеркиста, разъездного корреспондента работал в газетах на Кубани, в Средней Азии и в Москве.

Первый юмористический рассказ Леонида Ленча был напечатан в 1929 году в журнале «Чудак». Первая книга рассказов — «Первая улыбка» — вышла в «Библиотеке «Огонек» в 1936 году. С тех пор сборники юмористических и сатирических произведений писателя выпускали издательства «Художественная литература», «Советский писатель», «Советская Россия», «Современник».

Многие рассказы и книги Леонида Ленча переведены на иностранные языки: английский, немецкий, польский, чешский, испанский, болгарский, венгерский, румынский, турецкий, арабский.

Леонид Ленч известен также как драматург. Он написал пьесу «Павел Греков» (совместно с Б. Войтеховым) и комедии: «Звезда первой величины», «Большие хлопоты», «Ты — это я!». По сценарию Леонида Ленча режиссер Э. Рязанов на студии Мосфильм поставил кинокомедию «Девушка без адреса».

Леонид Ленч перевел на русский язык рассказы Остапа Вишни, Д. Гулиа, Василия Цонева, Мирсяя Амира, комедии Мирзы Ибрагимова («Деревенщина»), Алтая Мамедова («По приговору звезд»), Миколы Зарудного («Рим 17, до востребования»).

На международных конкурсах юмористического рассказа в 1969 году в Софии и в Москве ему присуждались первые премии.

В годы Великой Отечественной войны Леонид Ленч служил во фронтовой газете Брянского фронта и одновременно был специальным корреспондентом газеты «Известия».

Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды и медалями.

В 1983 году Леониду Ленчу присуждена Международная литературная премия «Хитрый Петр» (г. Габрово, Болгария) за все его творчество в жанре юмора и сатиры.

ОНА БЫЛА КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА

(повесть)

*Не родись красивой, а родись
счастливой.*

Н а р о д н а я м у д р о с т ь

Вместо предисловия

С женщиной, о жизни и гибели которой я здесь рассказываю, я был близок в пору моей молодости. Теперь, когда ее уже нет в живых, я понял, что я ее не любил, меня связывала с ней лишь сильная страсть. Однако гибель ее по-иному высветила в моей памяти этот образ.

Отцом ее был царский кавалерийский офицер, черкес, служивший в одном из полков так называемой Дикой дивизии, формировавшейся из горцев Северного Кавказа. «Дикая дивизия» считалась иррегулярной конницей, но командовал ею брат самого царя, непутевый великий князь Михаил Александрович Романов.

Ее мать, кубанская казачка, тоже из состоятельной офицерской семьи, ненадолго пережила своего храброго мужа, убитого в стычке с австрийскими «гусарами смерти» на фронте первой мировой войны.

Валерию — так я буду называть героиню моей повести, оставшуюся круглой сиротой и учившуюся в то время в екатеринодарском Мариинском институте благородных девиц, — взяли на казенный кошт как дочь георгиевского кавалера и — добавлю — еще и как редкую красавицу.

«Благородные девицы», и в особенности девочки из младших классов, ее товарки, обожали ее по всем правилам сентиментального институтского «обожания», подражая в этом петербургским смолянкам, воспетым небезызвестной в свое время романисткой Лидией Чарской.

На праздники Валерию приглашали погостить к себе домой ее подруги и одноклассницы, а на летние вакации она уезжала в живописную станицу Адинскую, расположенную примерно на полпути между Екатеринодаром и Новороссийском. Здесь жила Парамоновна, старая казачка, бобылка, служившая долгое время у родителей Валерии нянькой, кухаркой и воспитательницей

маленькой Вали и привязавшаяся к ней всем своим жалостливым сердцем, не огрубевшим от долгих лет бабьего одиночества.

— Я тоже ее очень любила! — однажды сказала мне Валерия, отвечая на мои расспросы о ее прошлой жизни. — Она стала для меня как бы родной бабушкой.

— Какая она была внешне?

— Ужасно некрасивая! — ответила улыбаясь Валерия. — Нос крючком, спина дугой, настоящая Баба Яга!

У Парамоновых в Адинской была хатка, маленькая, но чистенькая, а свой земельный казачий надел она сдавала в аренду и жила безбедно. Да и у Валерии после смерти родителей оставались кое-какие средства, лежавшие в банке на ее счету. По завещанию отца (он составил его и надлежащим образом оформил перед отправкой полка на фронт) его дочери в случае смерти родителей банк должен был выдавать ежемесячно некоторую сумму денег, а весь капитал с процентами поступал в ее распоряжение по достижении Валерией совершеннолетия.

Я назвал Валерию красавицей, но я предполагаю, что читатели могут меня спросить, почему я ее так называю?

Описывать женскую красоту — дело чрезвычайно сложное и трудное, тут даже Гоголь и Достоевский не преуспели. Я могу лишь сказать, что Валерия была идеально сложена и, если принять, условно, конечно, что существуют два основных типа красивого женского телосложения — тип Венеры с его плавной округлостью линий и тип Артемиды-охотницы, прелестно длинноногой и девически сухощавой, — то Валерия была как бы синтезом этих двух классических образцов женской телесной красоты. Она привлекала мужчин еще своей удивительно грациозной походкой, унаследованной, видимо, от ее черкесских бабок и прабабок, ходивших по воде к горному ручью с тяжелым кувшином на голове. Ее удлиненные черные глаза с длинными, тоже черными, стрельчатыми от природы ресницами не нуждались в подкрашивании. А их взгляд — кроткий и призывный — был неотразим. А брови, нарисованные тонкой изящной дугообразной линией все тем же Великим Мастером — природой! А шея и плечи...

Да что там говорить, поверьте мне на слово — она была красивая женщина! Но и только. Никакими общественными добродетелями она не отличалась. Даже детей не могла рожать после одного неудачного аборта. И тем не менее... Я почтительно прошу читателей дочитать мою повесть до конца, и тогда, надеюсь, они поймут, что заставило меня взяться за перо.

Ее первый избранник

Как-то во время нашего очередного свидания я спросил Валерию, кто был ее первым избранником.

Она сказала:

— Ему было всего шестнадцать лет, он учился в Коммерческом училище в Екатеринодаре. Его звали Владимиром... Володей.

— Чем он тебя прельстил? Он был красив?

— Ничего... Такой... блондинчик!

— Где ты с ним встречалась?

— В городском саду... иногда в доме у гимназистки Нины Кручинской, моей подружки. Ее отец офицер, как и мой. был тоже убит на фронте. А мать — она была врач — работала в госпитале. Я знала, когда она там дежурит целые сутки, и под разными предложениями добывала в институте разрешение отлучиться и бежала к Нинке. Там меня уже ожидал Володя. Нина уходила, и мы оставались вдвоем...

— Расскажи, как это произошло у вас?..

— У нас было все, кроме этого, — сказала Валерия. — И, пожалуй-ста, не приставай ко мне больше с такими вопросами. Он погиб под Энемом в 1918 году, не дожив до семнадцати. Ты знаешь, что было под Энемом?

...Я знал, что было под Энемом! Кубань напоминала тогда паровой котел, готовый вот-вот взорваться от напора революционного пара. Власть кубанской казачьей Рады и войскового атамана, полковника, а потом генерала Филимонова качалась, как тростник под шквальным ветром. В распоряжении Рады и атамана не было ни одной надежной воинской части. Казаки, имевшие оружие, держали загадочный нейтралитет, не склоняясь ни на сторону крупных буржуазных политических партий, таких, как милюковские кадеты и правые эсеры, ни на сторону кубанских большевиков, во главе которых стоял коренной казак — энергичный Ян Полуян.

Именно в это тревожное кризисное время крупная красногвардейская часть под командованием бывшего юнкера какой-то захолустной школы прапорщиков — двадцатитрехлетнего большевика Яковлева, двинулась из Новороссийска на Екатеринодар, с тем чтобы «раздавить филимоновское змеиное гнездо кубанских контрреволюционеров» — так на митингах обозначали цель похода красногвардейские ораторы. И, конечно, эта цель была бы ими легко достигнута, но у кубанского войскового правительства все же были люди, сумевшие организовать отпор красногвардейцам. Офицеры, полковник Галаев и бывший военный летчик штабс-капитан Покровский, сумели быстро сколотить отряд добровольцев, в который вошли казаки, преданные Филимонову (таких было немного, но они все же были), юнкера, кадеты, студенты, гимназисты, реалисты и даже восторженные девицы-гимназистки и институтки-старшеклассницы. Последних увлекла за собой двадцатилетняя Татьяна Бархаш, прапорщик корниловского ударного женского батальона, участница защиты Зимнего дворца. После падения Зимнего она бежала из Петрограда на юг и сумела добраться

до Кубани с подложными документами на имя беженки из Польши Анжелики Пилацкой. Ее командиру — печально знаменитой в свое время Бочкаревой — не так повезло, на станции Лихая ее опознали солдаты одного из эшелонов, когда она стояла в очереди за кипятком, и тут же закололи штыками. В газетах того времени часто мелькали портреты прапорщика Бочкаревой: грузная матрона с могучим бюстом, расправившим походную гимнастерку, с Георгиевским солдатским крестом, она была похожа на пожилую воспитательницу из сиротского приюта: холодные властные глаза и крепко сжатый рот неумолимой кротительницы.

Татьяну Бархаш в Екатеринодаре встретили радушно и приветливо, подкормили, обогрели, и по распоряжению войскового атамана его швальня пошла ей казачью парадную форму взамен солдатского рванья, в котором она добралась до Екатеринодара. Она появилась на екатеринодарских улицах в черной каракулевой кубаночке с алым верхом, перекрещенным позументом, в темно-серой черкеске с газырями и малиновым бешметом. На широком рукаве черкески углом был нашит черно-красный корниловский шеврон, а на поясе висел кинжал в посеребренных ножнах — личный подарок атамана.

— Ты ее видела? — спросил я у Валерии.

— Да! Ты знаешь, она была очень хорошенькая! Короткий прямой носик, чудные карие глаза. Как только ее ни называли в екатеринодарских газетах: и «нашей Жанной д'Арк», и «северной орлицей», и «новой Надеждой Дуровой».

— Представляю себе этот водопад пошлого газетного красноречия, — сказал я.

— Почти в каждом номере помещали ее портрет. Наши институтки все поголовно в нее влюблялись!..

— И ты тоже?

— Нет, я была слишком захвачена своим романом с Володей. Он записался в галаевский отряд и перед отправкой под Энем пришел прямо к нам в институт — попрощаться со мной. Он был в военной форме, и дежурная классная дама разрешила ему пройти в дортуары. Он сказал, что просит меня благословить его. Я страшно растерялась и сказала: «Володечка, но ведь я мусульманка. Как я могу тебя, христианина, благословить?» Он сказал: «Бог един», опустился передо мной на одно колено и наклонил голову. Я прошептала, что прошу аллаха отвести от Володи губительный меч Азраила. Что-то вроде этого. Он поднялся, поцеловал меня и ушел...

Сражение под Энемом сначала сложилось не в пользу галаевского отряда. В первый же час боя был убит сам полковник Галаев. Отражая натиск красногвардейских цепей, погибла Татьяна Бархаш, пулеметчица отряда. Добровольцы Филимонова дрогнули, но штабс-

капитан Покровский, принявший командование, сумел остановить замешательство, грозившее перерасти в панику. Красногвардейцы отошли на исходные свои позиции. Тем временем небольшая казачья конная группа, отправленная Покровским в обход Красной гвардии, добралась до станции, где стоял под парáми поезд Яковлева. Офицеры-казаки были в бурках до пят, скрывавших погоны. Их остановил часовой на перроне — его схватили, прежде чем он успел поднять тревогу, и бесшумно прикончили.

Яковлев, увидев в вагонное окно людей в бурках на перроне станции, вышел из штабного вагона и смело направился к ним.

— Вы кто такие? Что вам тут нужно? — спросил он неожиданных пришельцев.

Один из них, мрачный дюжий усач, войсковой старшина Шайтор, спросил ответно:

— А кто вы такой?

— Я — командир особого отряда Красной гвардии Яковлев.

— Вот тебя-то, подлеца, нам и нужно! — сказал войсковой старшина, выпростал из-под бурки руку с наганом и выстрелом в упор убил Яковлева.

Лишенные командования, красногвардейцы не выдержали контра-таки Покровского и отошли из-под Энема, понеся большие потери.

Около двухсот екатеринодарских юнцов-добровольцев сложили свои головы в этом бою. Среди погибших оказался и Володя, избраннык Валерии. Аллах не захотел сохранить ему жизнь.

— Их привезли хоронить в Екатеринодар. Ужас, что творилось в городе! — рассказывала мне Валерия. — В каждой церкви — отпевание! Бедного Володю отпевали в Екатерининском соборе.

— Ты ходила на отпевание?

— Да! Он лежал в открытом гробу на улице. Ждали, когда его внесут в собор, — там мест не было, так много привезли покойников. Он лежал белый, как восковая кукла... строгий... совсем на себя не похожий. Снежинки падали на его лицо и не таяли!.. Это было так страшно! Я разрыдалась и в собор на отпевание не пошла.

Хотя Филимонов и выиграл бой под Энемом, это его не спасло. В скором времени войсковое правительство, часть членов Рады и остатки отряда Покровского, скоропалительно произведенного решением Рады из штабс-капитанов прямо в генерал-майоры, оставили Екатеринодар, ушли и вернулись в город лишь в начале лета вместе с войсками добровольческой армии генерала Деникина.

Первое замужество

Первым мужем Валерии стал деникинский офицер, поручик Юрий Кадышев, артиллерист «павлон», то есть окончивший Павловское юнкерское училище, сын петроградского инженера-путейца. Познако-

мился он с ней в доме той же Нины Кручинской, за которой, как раньше говорили, «ухаживал» его друг, тоже артиллерист, подпоручик Жорж Добенский, познакомился и... влюбился без памяти.

— А ты его тоже любила?

Валерия ответила мне не сразу, а помолчав:

— Наверное, я тоже была в него влюблена... тогда. Хотя... ведь говорят, что если кого по-настоящему любишь, то, потеряв любимого человека, вспоминаешь его потом если не всю жизнь, то долго. Правда? А я... я, наверное, какая-то ненормальная! Когда в мою жизнь входил новый мужчина, я забывала предыдущего начисто. То есть помнила, конечно, но... в общих чертах.

— Ты и меня когда-нибудь вспомнишь «в общих чертах»? — пошутил я, признаться, не очень весело.

— Зачем загадывать? — серьезно и как-то деловито сказала Валерия. — Сегодня тебе хорошо со мной, а мне хорошо с тобой. Кто знает, что будет завтра?! Даже аллах этого не знает.

Свадьбу сыграли скромную, Валерия даже венчального платья не сшила, фату, впрочем, приколола. Венчались в том же Екатерининском соборе, а свадебный ужин справили у жениха, он снимал комнату у старухи, генеральской вдовы, своей дальней родственницы.

На ужин, кроме Нины Кручинской с ее Жоржем, молодые никого больше не позвали. Посидели, распили бутылку «Абрау-Дюрсо», пошутили. Нина первая поднялась из-за стола и сказала:

— Пойдемте, Жорж, не будем больше томить молодых своим присутствием. Валенька, девочка, будь счастливой, умницей. Юра, вам чертовски повезло в жизни — это я вам говорю, Нина Кручинская! Да благословит вас сам Гименей! Не говоря уже о Валином Магомете и вашем Иисусе Христе. Аминь!..

Подружки расцеловались, офицеры-друзья обнялись, и молодые супруги стали мужем и женой.

Институт Валерия оставила еще раньше, а через три дня замужней жизни проводила своего поручика в действующую армию.

Деникин широким фронтом наступал на красную Москву. Командовать добровольческой армией он поручил генералу Май-Маевскому, которого знал по юго-западному брусиловскому фронту.

Дела у Май-Маевского пошли успешно. В Донбассе, используя густую сеть железных дорог, он быстро перебрасывал свои ударные части то на один участок фронта, то на другой и нанес Красной Армии, оборонявшей Харьков, несколько внушительных поражений. Добровольческие бронепоезда, в том числе и бронепоезд «Державный», в команде которого служили друзья-артиллеристы, не знали ни отдыха, ни срока, участвуя во всех этих наступательных операциях. А потом произошло то, что штабные белые офицеры-остряки называли «маевским спотыкачом», намекая на пристрастие генерала к крепким напиткам.

По призыву Ленина на борьбу с Деникиным, подходившим уже к Туле, поднялась вся Советская Россия. Была объявлена партийная мобилизация, коммунисты с заводов и фабрик вливались в ослабленные непрерывными боями красноармейские полки, укрепляли их дисциплину и боевой дух. А главное, возникла и стала действовать Первая Конная армия. Имя ее создателя и командующего Семена Буденного вскоре стало легендарным, его с восторгом произносили красноармейцы и с ужасом — белые солдаты и офицеры.

Впервые на фронте гражданской войны задачу прорыва обороны противника и его дальнейшего разгрома решала кавалерия, сжатая в могучий кулак. У белого командования был, правда, свой опыт действия конницы — рейд донского генерала Мамонтова по красным тылам. Мамонтов проскочил до самого Тамбова. Но в общем-то свою задачу деморализации тыла и полного разрушения всех тыловых коммуникаций Красной Армии не выполнил. Красные тылы отделились, как говорится, лишь легким испугом. Донцы Мамонтова затем повернули коней и ушли из-под Тамбова назад. Сам Мамонтов при этом был тяжело ранен в ногу и если чем и прославился после этого рейда, то лишь своей откровенно мародерской телеграммой, опубликованной во всех белых газетах:

«Возвращаемся домой Везем друзьям и родным богатые подарки».

Роковое письмо

Красные войска неудержимо наступали на Ростов. Екатеринодар жил слухами один другого тревожнее и грознее. В политических казачьих кругах, несмотря на жестокие репрессии деникинских властей, продолжалась грызня между кубанскими «самостийниками», по-маниловски мечтавшими о заключении «мира» с большевиками ценой получения от них мифической «кубанской автономии», и теми, кто шел с Деникиным до конца. Ветер больших перемен крепчал с каждым днем.

Валерия, давно не получавшая писем от мужа с фронта, жила в его комнате на Штабной. Мать Нины Кручинской устроила ее работать в военный госпиталь. Нина тоже стала «сестричкой», но работала в другом госпитале. Однажды она прибежала к подруге вечером страшно возбужденная, запыхавшаяся и еще в прихожей, не раздеваясь, сказала:

— Твоя кикимора дома? (Кикиморой она называла старуху генеральшу.)

— Нет. А что?

— Пока ей ничего не говори, а то она разведет панику на весь город. Сегодня к нам в госпиталь привезли Жоржа Добенского, он

ранен в ногу осколком, но, кажется, кость цела. Он такое рассказывает, ужас!.. Жорж привез для тебя письмо от твоего Юры.

— Значит, Юра жив?.. Слава аллаху!

— Жорж хотел сам отдать тебе письмо и что-то еще на словах передать. Его и других раненых на днях отправят в Новороссийск. Эвакуация уже идет, ты, наверное, сама об этом знаешь...

...В госпитале Нина вывела из палаты в коридор и усадила в кресло Жоржа Добенского. В сером госпитальном халате, с забинтованной ногой, на костылях, он совсем был не похож на того пижонистого подпоручика, который смешил подруг своими анекдотами.

Жорж Добенский отдал Валерии письмо мужа. Оно было коротким.

«Я пока жив. Бесперывные бои. Нервы измотаны до предела. Такое ощущение, словно ты летишь в пропасть и думаешь лишь об одном: скорей бы долететь до дна! Валенька! Вот мой тебе совет-приказ: уезжай из Екатеринодара как можно скорее в Адинскую к твоей старухе. Если бронепоезд уцелеет, то мы будем двигать лишь на Новороссийск и тогда, возможно, увидимся в Адинской и там решим, что делать дальше. Проси своего аллаха, чтобы наша встреча состоялась! Кончаю писать — тревога. Целую тысячу раз. Ю. Кадышев».

Валерия прочла письмо и посмотрела на Жоржа Добенского с молчаливой мольбой. Хоть бы одно слово утешения. Но подпоручик сказал строго:

— Он читал мне это письмо. Делайте то, что Юра вам советует. Так будет лучше и для него и для вас.— Страдальчески поморщился и повернул голову к Нине: — Нинок, опять в меня гадюка-боль вползла! Отведи меня, пожалуйста, в палату, не могу больше.

— Я тебе сейчас укольчик сделаю,— сказала Нина Кручинская.— Сам сможешь встать?

— Смогу.

Подпоручик поцеловал Валерии руку и, тяжело опираясь на костыли, поплелся с Ниной в палату.

Через неделю после этой встречи Валерия уехала к Парамоновне в Адинскую. Железная дорога на Новороссийск еще кое-как действовала.

Предназначенное расставание

Парамоновна была и рада и не рада неожиданному приезду Валерии. То принималась ее бурно целовать и тормошить, называя «дитем моим ненаглядным», то вдруг начинала ворчать и браниться:

— И чего тебя чертушко сюда приволок?! В станице полно дезертиров, сидела бы в Катеринодаре, все ж таки в городе спокойней как-то!

— О каких дезертирах ты говоришь, Парамоновна?

— О тех, кто с фронта прибег. И по одному и цельной шайкой. Есть такой ухарь, что из-под самого Воронежа на лошади прибег. Он у самого Шкуры служил. Под Воронежем большаки крепко им дали, казачки и кинулись бечь.— Подумала и вынесла решение.— Ты на улицу, девка, нос поменьше высовывай, сиди в хате. А то побачуть дезертиры такую краю, как бы не обидели.— Слезы вдруг покатились по сморщенным щекам Бабы-Яги: — Дите мое ненаглядное, и что ж ты у меня такая злосчастенькая. Я тебе сей минут яишенки с салцем пожарю, чайку сварю, схоронила китайского четверочку, по праздникам пью. А уж ради такого праздничка... сам бог велел поцаевничать!

В станице Адинской жизнь у Валерии пошла по тревожно-монотонному руслу. Никакой власти в станице, в сущности, уже не было. Станичный атаман — престарелый пластун-урядник Егор Позабудько — не вылезал из своей хаты. Когда к нему домой приходил кто-либо со своей неотложной нуждой, старуха Позабудько не пускала пришельца даже на порог:

— Болеют Егор Иванович, лежат почти что без памяти, не обесудьте!

У Парамоновны была только одна забота: ходить несколько раз в день на станцию (благо дом ее стоял недалеко от вокзала) — узнавать новости и следить, не появится ли на станционных путях бронепоезд «Державный».

Из каждого такого разведывательного похода Парамоновна возвращалась взвинченная до крайности и докладывала Валерии:

— Ну, девка, нагляделась я такого... ни в сказке сказать, ни пером описать. Бегить буржуй на Новороссийск — навалом. И в товарных поездах, и в пассажирских, детишек с собой везуть, добро в чеймодах.

— А бронепоезд не видела на станции?

— Не видела! Чего нет, того нет!

Как-то Валерия сама пошла утром на станцию и только вышла на перрон, как сразу увидела стоявший на первом пути, видимо, только что прибывший бронепоезд. И крупные буквы надписи на его броне тоже сразу бросились в глаза: «Державный».

Она остановилась, закрыла глаза и тут же их открыла.

Да, это он, бронепоезд «Державный», стоял, молчаливый и грозный, на первом пути станции Адинская! Из амбразур вагонов, заделанных броней до крыши, прямо на Валерию глядели злые пулеметные рыльца и тупые морды тяжелых орудий.

Открылась дверца одного из вагонов, и на перрон соскочили два офицера в зеленых коротких английских шинелях. Первый, низкорослый, с семью висками, с тремя полковничьими звездами на матерчатых погонах, в английском же офицерском картузе с коричне-

вым кожаным козырьком, и второй, высокий, в артиллерийской фуражке старого русского образца, но тоже в английской короткой шинельке.

— Юра! — закричала Валерия и побежала к вагону, возле которого стояли офицеры.

Юрий Кадышев обернулся на этот радостный крик.

— Валя! Ласточка! — Он порывисто обнял Валерию, привлек к себе, стал целовать. — Валя! — первым пришел в себя поручик. — Слушай меня. Времени у нас в обрез. Мы уходим последними, прикрываем пехоту, которая отступает по шоссе на дороге. Если ты решила быть со мной, я попробую умолить полковника взять тебя в поезд. Но это очень опасно, Валя! На подступах к Новороссийску наверняка будут бои. Хочешь... со мной... до конца?

— Хочу! — сказала Валерия чуть слышно.

Поручик Кадышев вернулся к полковнику в английском картузе и стал что-то горячо, но тихо говорить ему. Полковник, отрицательно покачав головой, сказал нарочито громко, так, чтобы Валерия услышала:

— Очень сожалею, поручик, но это невозможно. И вы сами это прекрасно понимаете!

— Полковник не разрешает! — сказал Валерии Юрий Кадышев. — Не знаю, что делать! Да и что тут можно сделать!..

...Рассказывая мне потом о своем последнем свидании с мужем, Валерия говорила:

— Ты знаешь, он был такой растерянный, с такой мучительной тоской в глазах, что у меня, кроме чувства горестной жалости к нему, другого в душе ничего не было тогда. Он меня поцеловал и сказал: «Благодарю тебя за счастье, которое ты мне принесла, не наша с тобой вина, что оно было таким коротким. И таким горьким!..» Поцеловал и пошел к своему вагону. И ни разу не оглянулся!..

...Утробно-тяжко вздохнул паровоз, и бронепоезд «Державный», лязгая и громяхая броней и сцеплениями, тронулся в свой последний бесславный рейс.

Дома Валерия долго рыдала, положив голову на плечо Парамоновны. Парамоновна тоже разревелась, стала гладить Валерию по голове, а потом утерла слезы ладонью и сказала:

— Вот что, Валя, я тебе скажу: ты вить казачьего корня создание, а нам, казачкам, так уж, видно, на роду написано: мы, можно сказать, на свет готовыми вдовами нарождаемся, одна — соломенной, другая — кровной, кому как повезет. Не горюй, со мной не пропадешь! Не плачь, пожалей свою красоту, от слез бабы вянут, а тебе вянуть никак нельзя сейчас.

— И ты знаешь, — сказала мне Валерия, — она меня не то чтобы утешила и приободрила, но все-таки зажгла в душе огонек смутной надежды на что-то. Без такого огонька нельзя жить!

Первые дни творения

Так же кипели белым цветом акации на широких станичных улицах, так же безмятежно синело доброе кубанское небо и так же тревожно и ласково мычали в добротных хлевах отелившиеся коровы, облизывая своих только что поднявшихся на непрочные ножки телочек и бычков,— казалось, ничего не изменилось в станице Адинской. Но это только так казалось! На самом деле жизнь менялась круто.

Был создан станичный ревком. Председателем его стал тот рядовой казак-шкуринец Матвей Ворон, который, как говорила Парамоновна, «прибег в станицу на лошади с-под самого Воронежа». «Прибег»-то он действительно «прибег», но, как оказалось, спасая себя не столько от буденновских клинков, сколько от петли деникинской контрразведки, уличившей его в ведении «большевистской пропаганды» среди казаков конного корпуса генерала Шкуро.

На плечи Матвея Ворова пала большая забота: внушить жителям Адинской, казакам и иногородним, что Советская власть — это прочная власть, что никаких перемен больше не будет, а раз так, то хлеборобам нужно, не теряя времени, заняться своим прямым делом на земле — сеять, растить и собирать хлеб. Адинцы слушали его горячие речи на митингах и собраниях внимательно, даже в ладоши хлопали когда и где надо, но... вот в прочности новой власти сомневались.

На Таманском побережье вдруг высадился белый десант, направленный сюда из Крыма генералом от кавалерии бароном Врангелем, сменившим Деникина. Командовал десантом известный кубанский белый конник казачий генерал Улагай, соперник самого Шкуро. Белые десантники пошли прямо на Екатеринодар. Опять по станице Адинской расплозлись, словно раки, вытряхнутые из корзины, слухи, один другого страшнее и нелепее. Парамоновна, вернувшись утром с базара, передавала их Валерии:

— Улагай уже к Катеринодару подходит. Вот-вот ворвется туда!.. Может, и твой с им идти!

— Ну что ты такое говоришь, Парамоновна?! Как же он через пролив мог на бронепоезде перебраться?!

— Господи! Да пошел к Врангелю своему и записался добровольцем. У меня, мол, ваше высокое превосходительство, жена осталась на Кубани, пойду ее вызволю.

Валерия лишь горестно улыбалась, слушая болтовню Парамоновны, желавшую приободрить ее разным вздором. Но однажды Парамоновна принесла с базара уже не слух, а самую подлинную новость:

— Ну, девка, все — поломали рога Улагаю!.. Едва ноги унес! Матвей Ворон сам на стенку ревкома наклеил сообщение, люди читали при мне и говорили промеж себя. Никуда, говорят, теперь от большеков не денешься, придется Советскую власть признавать и беспрекословно уважать.

Однако не все так думали. В камышовых плавнях, в горных окрестных лесах стала действовать вооруженная бело-зеленая банда, командовал ею тоже бывший шкуринец и тоже бывший дезертир из белой армии, старший урядник Иван Волчинов. Матвей Ворон его знал по совместной службе и называл «живодером, каких простая баба на свет не может произвести». Говорил он это в шутку, но базарные пустомели подхватили ее и, рассказывая о действиях бандитов, так и стали называть их главаря — ведьмак.

— Слыхали, кум? Ведьмак на хутор Гречишный набег сделал, тамошнего преда — чи як он там называется! — самолично на смерть zasek нагайкой.

— Ведьмаки в Плещеевской потребиловку ограбили!..

— Ведьмак хвалился, что и на Адинскую налетит, и Матвея Ворона первого на кол посадит!.. Он, мол, дюже высоко взлетел, надо его чуток снизить!

Бандиты были неуловимы. Говорили, что они, когда их настигала погоня, научились скрываться под водой в плавневых затонах, дышали через полую тростинку, зажатую во рту. Самый главный вред, который они причиняли новой власти, был тот, что станичники боялись приниматься за полевые работы.

Из города в Адинскую прибыл конный отряд особого отдела и повел с бандой Ивана Волчинова форменную войну по всем отработанным правилам борьбы с бандитизмом. Одновременно приехал и разместился в доме бывшего станичного атамана Егора Позабудько (сам он успел к тому времени помереть, а старуха его переселилась в хатенку, стоящую тут же, на позабудьковском усадебном владении) военно-революционный трибунал — его выездная сессия. Парамоновна видела, как сотрудники трибунала вселялись в просторный атаманский дом.

— Самого главного трибунальщика бачила. Молодой, но в очках. Веселый такой! Волокеть в дом каку-то скамейку да приговаривает: «Во, дожили, сам судья подсудимую скамью на своем горбу тащит!..»

На особом учете

На следующий день в хату Парамоновны пришел посыльный из ревкома и принес бумагу, написанную от руки старательным школярским почерком и подписанную самим председателем ревкома.

Бумага была зловеще-загадочная: Парамоновне предлагалось сообщить «своей квартирантке», чтобы она явилась в ревком «для выяснения ее личности».

Каких только чертей не сулила Парамоновна тому, кто донес ревкому про ее «квартирантку», однако делать нечего, пришлось показать Валерии грозную бумагу.

Она пришла в ревком утром, и Матвей Ворон принял ее немедленно. Он сидел за столом, устланным красным кумачом, накупленный и хмурый, в старом бешмете, без черкески. На столе, кроме чернильницы-невыливайки, деревянной школьной ручки с пером и нагана, ничего больше не было.

Председатель ревкома оглядел Валерию с головы до ног, сесть не предложил, сказал, продолжая смотреть на нее в упор:

— Нам известно, что вы — жена белого офицера. Это так?

— Так!

— Как его фамилия?

— Поручик Кадышев Юрий Вячеславович.

— Где он сейчас?

— Не знаю!.. Я видела его всего пять минут на станции, когда его бронепоезд здесь остановили... когда они отступали к Новороссийску.

Матвей Ворон помолчал и сказал:

— Ревком берет вас на особый учет как нетрудовой опасный элемент, зайдите к моему секретарю, он вас запишет в свою поминальную книгу. С завтрашнего утра к семи часам будете являться в ревком для отбывания трудовой повинности по нарядам. Звать секретаря — Кучеренко Владимир Сергеевич. Все! Ступайте пока!..

Владимир Сергеевич Кучеренко оказался типичным станичным пареньком, если не вчерашним «пацаненком», то уж наверняка вчерашним «пацаном»! Курносый, белобрысый и очень важный. Но при этом шустрый, все схватывающий на лету. Он записал все данные несложной биографии Валерии в тетрадку с бумагой в клеточку. «Для арифметики», — подумала Валерия, не выдержала и улыбнулась.

— Чему это вы заулыбались? — обеспокоенно спросил ее Владимир Сергеевич Кучеренко.

— Так... мыслям своим!

— Мысли у вас, гражданка нетрудовой элемент, не такие должны быть, чтобы им улыбаться! Завтра приходите на уборку помещения ревтрибунала в бывший дом бывшего станичного атамана. Знаете, где он?

— Найду.

— Возьмите с собой ведро и тряпку какую-нибудь. Подметите все как следует, помойте полы. Метелку вам старуха Позабудько выдаст, я дам ей такое указание.

«Давно ли эта старуха тебя за уши драла, когда ты в ее сад за аблоками лазил!» — подумала Валерия и сказала:

— Я могу идти?

— Идите! Имейте в виду, я лично явлюсь в трибунал — приму у вас вашу работу. И новый наряд дам.

...Парамоновна долго бушевала, никак не могла успокоиться, когда Валерия рассказала ей о своем посещении ревкома.

— Это плотника Сергея Кучеренко, инородного, сынок. Ишь ты, из грязи да в князи! Да ты бы его, свиненка, за вихор! — Она тут же спохватилась: — Ни, за вихор нельзя, потому — власть!.. Валя, давай я пойду к трибунальщикам и полы им помою и чистоту наведу аптекарскую. А Кучеренкову молодому скажу: лежить, мол, моя квартиранточка в лежку, очень уж вы ее вчера напужали!

— Нет, Парамоновна, я сама должна идти!

Опасный элемент

Валерия надела старенькое платьице, стоптанные туфельки на босу ногу, повязала голову сохранившейся у нее косынкой — на красном шелковом фоне зеленые листики — и, взглянув на себя в ручное зеркальце, подумала:

«Ничего мне не делается! Все такая же я красивенькая! И косыночка эта мне определенно идет, хорошо, что я ее не проела!»

Парамоновна дала ей ведро и половую тряпку, ворчливо сказав:

— Не забудь принести обратно, там не оставляй, береги упаси! А то вить на них, на шельмов, не напасешься ведров-то!..

У входа в дом бывшего станичного атамана стоял часовой красноармеец с винтовкой. Валерия сказала ему:

— Я по трудовому наряду!

— Знаю! Проходите!..

Старуха Позабудько, жалеючи вздохнув, выдала Валерии соломенную метелку и совок и сказала:

— В добрый час, доченька!..

Подоткнув, как полагается, подол, Валерия храбро взялась за работу. Сначала она подмела пол в первой большой комнате, сор вынесла во двор. Потом принялась за мытье полов. Вдруг услышала шаги — кто-то вошел в комнату. Она распрямилась и оглянулась. В комнате стоял и рассматривал ее, фиксируя взгляд на ее обнаженных выше колен ногах, молодой мужчина в защитной военной форме, ловко на нем сидевшей. Белокурый, в очках. Валерия одернула платье. Тряпку, с которой капала на пол грязная вода, продолжала держать в руке.

— Кто вы? — спросил военный в очках.

— Нетрудовой элемент! — сказала Валерия и заметила, что военный как бы улыбнулся чуть-чуть при этих ее словах. — Я не

только нетрудовой, я еще и опасный!..— сказала она с некоторым вызовом.

Военный совсем уж откровенно усмехнулся — оценил ее просто-душное кокетство.

— Несомненно опасны! Вы эту свою тряпочку и ведро оставьте здесь...

— А они не пропадут? — перебила его вопросом Валерия.— Мне Парамоновна наказывала беречь их как зеницу ока.

— Кто это — Парамоновна?

— Старуха казачка, у которой я живу в станице.

— Не беспокойтесь, никто это снаряжение не возьмет. Я — председатель выездной сессии военного ревтрибунала Кромов Геннадий Петрович. А как вас зовут?

— Валерия Ибрагимовна Садыкова, по мужу Кадышева.

— Пройдемте ко мне, Валерия Ибрагимовна, поговорим!

В задней каморке, превращенной в кабинет председателя трибунала (здесь же, впрочем, стояла и железная односпальная кровать, застланная аскетически аккуратно), они просидели около часа. Валерия рассказала Кромову о себе все, отвечая на его ненавязчивые, мягкие вопросы. Иногда он просил ее уточнить кое-что.

— Я не понял, Валерия Ибрагимовна, сколько же времени вы были фактически замужем за поручиком Кадышевым?

— Три дня.

— Плюс адинские минуты?

— Да, плюс эти несчастные минуты!

— Ну вот что, Валерия Ибрагимовна! — заключил разговор Кромов.— На мытье полов вы больше можете не являться. Но вообще-то... трудиться вам надо. У нас государство трудовое, кто не работает — тот не ест! Я поговорю с кем нужно, мы найдем другую, более подходящую для вас работу. Вы где живете?

— Около станции. Бывшая Романовская, сейчас, кажется, Пролетарская.

— Если позволите, я к вам зайду... как-нибудь на днях.

Она смущенно пожала протянутую ей сильную мужскую руку и пошла к себе на бывшую Романовскую. Шла, весело помахивая своим ведром, в котором что-то болталось, издавая металлический звук. Остановилась, посмотрела и ахнула: о, аллах, я же позабудьковской совок утащила! Пошла Парамоновну, пусть отнесет!

— Он стал приходить ко мне. Обычно по вечерам, — рассказывала мне Валерия.— Парамоновна придумает что-то и уйдет, чтобы нам не мешать. Так интересно было его слушать! Ну, и ты сам понимаешь, что это должно было случиться. И это случилось! Он был человеком необыкновенным! — после долгой паузы сказала Валерия.— До него я таких людей не знала!

— Почему необыкновенным? В каком смысле? — спросил я.

— Он был... романтиком, что ли. Как интересно мне было его слушать! Он любил говорить о том, как изменится наша жизнь, когда все трудности и преграды останутся позади и люди станут лучше — чище, благороднее. Он как бы мечтал при мне вслух.

— Какого он происхождения?

— Его отец был адвокатом, но не имел выгодной практики, занимался больше защитой политических.

...Особистам наконец удалось настичь банду Ивана Волчинова. Много бандитов погибло в этой короткой кровавой сабельной схватке, трех захватили живыми. Самому Волчинову и еще пятерым его сообщникам удалось бежать. Выездная военная сессия ревтрибунала судила захваченных бандитов и приговорила их к расстрелу.

Поздно вечером после суда Кромов зашел к Валерии. Парамоновна засуетилась, сказала, что пойдет к соседке «пошукать солцы», и исчезла. Кромов не улыбался и не шутил, как обычно. Когда Валерия спросила, что с ним, он сказал:

— Ты думаешь, легко вынести смертный приговор человеку, в глаза которого ты смотришь?

— Они же бандиты, живодеры, как товарищ Ворон говорит!

— Да! И все-таки... В будущем мы отменим смертную казнь!.. Сейчас этого, к сожалению, сделать нельзя, пока существуют такие, как Волчинов.— Он подошел к Валерии, обнял ее.— Покончим здесь с бандитами, уедем с тобой в Краснодар, там я начну хлопотать о Москве. Я ведь университет не успел окончить... И тебе надо где-то поучиться. Поедешь со мной в Москву?

— С тобой хоть на край света! — сказала Валерия.

В этот вечер она попросила Кромова устроить ей пропуск для поездки в город. Ей очень хотелось узнать что-нибудь про Нину Кручинскую. Где она, что с ней?

Кромов ей такое разрешение достал.

В коридорах совнархоза

Екатеринодар, став Краснодаром, тоже изменился. Валерии показалось, что людей на его улицах больше. Все куда-то спешат, кто с портфелем под мышкой, кто с какой-нибудь корзинкой. Лица у всех озабоченные. Извозчиков — лихих екатеринодарских фазтонщиков — не видно, только трамваи звенят и гремят, как раньше.

...Она долго нажимала кнопку звонка на наружной двери знакомого двухэтажного особнячка — никто на звонок не отзывался. Пошла со двора, и там ее окликнула пожилая женщина — она развешивала мокрое белье на веревки.

— Вы к кому?

Лицо ее показалось Валерии знакомым. Кажется, это соседка Кручинских Мария Герасимовна.

— Я — к Кручинским. Звонила, звонила с парадного — молчание! Вас, кажется, Марией Герасимовной зовут? Я Нинина подруга... Валя, помните меня?

Блеклое лицо Марии Герасимовны осветилось улыбкой.

— Как же можно такую красоточку забыть! Но вы совсем не изменились, Валя... даже еще красивее стали. Вера Николаевна, Ниночкина мама, уехала в Россию к родственникам мужа... Кажется, не совсем, а в гости. А Ниночка на работе. Ее взяли на службу в совнархоз, в совет народного хозяйства — сов-нар-хоз. Сейчас все названия сокращенно произносятся.

— А что Нина делает в этом своем сов-нар-хозе?

— Начала дела делопуткой — делопроизводителем по-старому, а сейчас до секретмашки возвысилась.

— О аллах, а секретмашка что такое, Мария Герасимовна?

— Секретарь-машинистка! — сказала Мария Герасимовна, и трудно было понять, чего больше прозвучало в этих словах — скрытой иронии или открытого завистливого восхищения.

— Я сейчас пойду к Нине, а чемоданчик свой у вас оставлю, если позволите.

— Пожалуйста! Я его к себе в спальню поставлю, не беспокойтесь. А Кручинских, между прочим, уплотнили. В одну их комнату вселился по ордеру жилотдела товарищ Пичугин — помбух!

— Ради аллаха — а это что такое?

— Ну, это же совсем просто: помбух — помощник бухгалтера. Он работает в ОНО.

— В чем, в чем?!

— В ОНО — отделе народного образования. У Кручинских были излишки жилплощади, вот их и уплотнили. Нас с Михаилом Ивановичем сия чаша, слава богу, миновала. Но должна вам по секрету сказать, что Ниночка вертит товарищем Пичугиным как хочет.

...В совнархоз Валерию пускать сначала не хотели. Некто, сидевший при дверях в гимнастерке и черных суконных брюках навыпуск, спросил, к кому она идет. Валерия храбро ответила: «К товарищу Кручинской». — «По какому вопросу?» — «По лично-му». — «Обождите!»

Некто стал яростно крутить ручку древнего настольного телефонного аппарата. Секретарь-машинистка товарищ Кручинская не отзывалась. Некто посмотрел на Валерию более внимательно, и Валерия, взглянув на него, увидела, что некто очень молод, улыбнулась ему одной из своих самых соблазнительных улыбок. Некто дрогнул и тоже улыбнулся.

— Ладно уж, проходите, только ненадолго. На втором этаже спросите — вам скажут, где можно найти товарища Кручинскую.

— Спасибо большое!

Она поднялась по лестнице на второй этаж четырехэтажного здания. По лестнице вверх и вниз сновали люди — служащие совнархоза, одетые пестро и по-разному: мужчины преимущественно в длинные, до колен, рубахи, подпоясанные узеньким ремешком, — такие рубахи назывались «толстовками». Преобладал унылый серый цвет. В женской одежде, тоже очень разной, была, однако, одна общая особенность: сверху — вполне приличные платья, блузки и юбки, и, как правило, стоптанная, чиненная-перечиненная обувь. Некоторые щеголихи в шелковых изящных блузочках, сохранившихся от прежних времен, гремели по лестнице солдатскими ботинками, перешитыми находчивым кустарем-сапожником «по ноге».

Новая жизнь начиналась с голого места. Войны — империалистическая и гражданская — только что отгремели, на всем лежала гнетущая печать всеобщего оскудения.

Поднявшись на второй этаж, Валерия пошла по длинному коридору с рядами комнат по каждой его стороне.

Она чуть приоткрыла дверь с табличкой «машбюро» и сразу же ее захлопнула, сраженная яростным стрекотанием «ремингтонов» и «ундервудов».

Вот тут-то, в коридоре, и возник я — тогда я тоже служил в совнархозе секретарем одного из его отделов. Валерия стояла совершенно растерянная. Ее необычно яркая красота ошеломила меня. Преодолев свою мальчишескую застенчивость, я подошел к ней и спросил, кого она ищет, она сказала, кого.

Я привел ее в кабинет первого заместителя председателя совнархоза, раскрыл дверь в его приемную. Секретарь-машинистка Кручинская, сидевшая за своим маленьким столиком, перебирала папки с делами.

— Нина Владимировна, это к вам! — сказал я.

Нина подняла голову:

— Бог ты мой, Валерия!

— Я, Ниночка, я!..

Я ушел, не желая мешать их свиданию.

Несколько лет спустя, когда мы уже были близки с Валерией, я рассказал ей о нашей первой встрече и спросил:

— Ты меня не запомнила?

— Нет! — честно призналась Валерия. — Помню, что какой-то мальчик привел меня к Нине. Неужели это был ты?

— Представь себе, я. Ты так обрадовалась тогда встрече с подругой, что даже не поблагодарила меня.

Разговор по душам

В совнархозе Нина успела лишь сообщить Валерии, что старая генеральша со Штабной умерла и что идти туда Валерии нет смысла, в квартиру «кикиморы» вселились какие-то посторонние люди. Главный разговор по душам решено было провести вечером у Нины.

...Когда встретятся две просто знакомые женщины, которые давно не виделись, они способны говорить часами. А если встретятся близкие подружки — тут уж и ночи не хватит!..

Ни Валерия о своем Юре, ни Нина о своем Жорже ничего не знали и не слышали. Казалось бы, все ясно, а они все говорили и говорили, пока, наконец, Нина не выдержала и не сказала решительно:

— К черту этот вальс «Невозвратное время»! Надо жить «текущим моментом»! Как твои сердечные делишки? Хотя... на ком же можно остановить свой взор в благословенной станции Адинской.

Валерия не хотела рассказывать Нине о своей встрече с Кромовым, но, конечно, не удержалась и все рассказала. Нина ее роман одобрила, но сказала:

— Прежде всего он должен помочь тебе расторгнуть твой брак с Юрой, это он легко может сделать. А потом официально стать твоим мужем. Смотри, Валерия, будь начеку! Я же тебя знаю: ты сначала сделаешь, а уж потом только начинаешь думать о том, что сделала!

Она тряхнула своей золотисто-рыжей гривкой коротко остриженных волос, взяла из коробки папиросу, затянулась и выпустила дым изо рта колечками — одно, другое, третье.

— Зачем ты куришь, Нина?! — с упреком сказала Валерия.

— Сейчас все курят! А почему, собственно, мужчинам можно курить, а женщинам нельзя?! Глупости! Это все — отрывки девятнадцатого века, а сейчас — двадцатый. Надо, миленькая моя, выжимать из себя девятнадцатый, если хочешь дышать полной грудью в нашу эпоху.

— Курить — это, по-твоему, значит полной грудью дышать? — не удержалась Валерия.

— Не лови меня на слове, я о другом. Должна тебе сказать, Валенька, что я готова аплодировать большевикам... Знаешь, за что?

— За что?

— За то, что они не на словах, а на деле возвысили нас, женщин. Это может увидеть каждый человек, если он не слепой. Женщин выдвигают на самые ответственные посты. Это же прекрасно! У нас в совнархозе одна женщина заведует отделом, а другая даже целым отделом.

Она разгорячилась, говорила быстро и энергично жестикулировала при этом. С папиросой во рту она стала похожа на хорошенького мальчика-подростка, добравшегося наконец до отцовского портсигара.

«Недаром Жорж Добенский называл ее «гамэном»¹, — подумала Валерия и напомнила об этом Нине. Та помрачнела, но тут же, улыбаясь, сказала:

— По-моему, «гамэн» все-таки лучше, чем «гарем». Каламбур плохой, знаю, но это тебе за «гамэна». Не обиделась?

— Нет, конечно! Но ты мне все-таки расскажи о своих сердечных делах. Твоя очередь!

— Я стала убежденной холостячкой! — сказала Нина, стряхивая пепел с папиросы. — Мне ведь больше повезло, чем тебе. Мы с Жоржем целых полгода любились, но я в глазах всех была его невестой, не больше. А невест не трогали! А ты вышла замуж за белого офицера на три дня, и теперь тебя за это сделали поломойкой!

— Но я же ею не стала!

— Могла стать!

— Нет, Нина, ты не увливай. Неужели у тебя... никого нет?!

Есть товарищ Пичужкин, он же Башмачкин Акакий Акакиевич, мой жилотдельский сосед. Влюблен и по-собачьи предан.

— Я серьезно, Ниночка!

Нина взяла новую папиросу, затянулась и выпустила дым — на этот раз без колечек. Стала рассказывать:

— Случилась со мной тут одна драматическая, скорее даже комическая, история. Появился на моем горизонте один молодой, вполне интеллигентный товарищ. Бодлера наизусть читал! Ну и вот... пошла я к нему на свидание. То да се, се да то — дошло до главного, и вдруг он... заплакал! И стал у меня прощения просить!.. Понимаешь, какой ужас!

— А ты что?

— Поцеловала в лобик, оделась и ушла! Теперь, когда увижу его издали, перебегаю на другую сторону улицы... Дети-сироты и мужчины... инвалиды — это тоже военное наследство! Вот так-то!

Раздался стук в дверь, даже не стук, а деликатное царапанье.

Нина сделала большие глаза, сказала шепотом: «Пичужкин сюда скребется». И громко:

— Василий Лукич, это вы?

— А можно к вам, Нина Владимировна? Я на минуточку! — ответили за дверью приятным баритоном.

— Входите!

В комнату вошел тощий мужчина лет тридцати пяти, бритый, вполне пристойной внешности.

— Василий Лукич Пичужкин, наш дорогой соседушко! — представила его Валерии Нина.

— Только не Пичужкин, Нина Владимировна. Пи-чу-гин!

— Да, да. извините. Пи-чу-гин. Моя дорогая подруга Валя

---

¹ Гамэн — уличный мальчишка (франц.).

Садыкова. Не падайте в обморок, вы таких красивых женщин, наверное, даже во сне под пасху не видели!

Пичугин робко поклонился Валерии и сказал, смутившись:

— Я к вам, Нина Владимировна... в смысле кашки.

— Какой кашки и в каком смысле?

— Сегодня дали в пайке, представьте, не треклятую шрапнель, а настоящую ячневую крупу. Я сварил кашку. Маслице имеется, постное, базарное. Объедение! А на десерт чаек с сахаринчиком. Извините за такое угощение, но... чем богат, тем и рад... от чистого сердца! Может быть, зайдете ко мне, Нина Владимировна? И вас также прошу, — он снова поклонился Валерии.

— Спасибо, Василий Лукич! Это очень трогательно. Но мы еще не наговорились досыта. Валерия Ибрагимовна только сегодня приехала, а завтра уже уезжает. У вас еще осталась крупа... ячневая?

— Осталась!

— Значит, кашка от меня не уйдет!

— Тогда... извините за несвоевременное вторжение!

Когда Пичугин, пятась, вышел из комнаты, подружки расхохотались, и Нина, смеявшаяся до слез, вытерла платочком глаза и сказала:

— Чует мое сердце, что Пичужкин из той же мужской породы, что и мой товарищ с Бодлером под мышкой.

На следующий день Нина проводила Валерию в Адинскую. На вокзале, целуя подругу, сказала:

— Валюша, если что, приезжай к нам. Будешь у нас жить. Я тебе помогу устроиться. — Не удержалась и перешла на свой обычный тон: — В крайнем случае прикажу Пичужкину на тебе жениться. А что? Он ведь помбух — не кто-нибудь. Он будет у себя в ОНО бухать, а ты дома — ухать!

Подруги посмеялись, еще раз расцеловались, и Валерия уехала к себе в Адинскую.

Снова в Адинской

Кромов захотел отпраздновать возвращение Валерии. Парамовне было поручено приготовить ужин, и она пошла по дворам «шукать» и «нашукала» кое-что — вплоть до престарелой утки, которую и зажарила по всем правилам кулинарного искусства. Даже яблоки моченые нашлись!

В гости был позван один человек — Иван Иванович Клешин, он же Ванечка, секретарь трибунала, тоже студент-юрист, как и Кромов, но старше своего председателя на один курс. Спирт мужчины принесли с собой, и Ванечка — с большим знанием дела! — развел его пятьдесят на пятьдесят.

Выпили под утку, под яблоки, посмеялись, слушая рассказ Валерии о ее визите в совнархоз. Ванечка не спускал с Валерии восхищенных глаз и, поднимая рюмку, повторял одно и то же:

— Божественная Валерия Ибрагимовна, если б в этом сосуде был не этот великолепный спиртыга, а пламя, я бы и тогда выпил за ваше здоровье!

Кромов, смеясь, грозил ему пальцем:

— Ванечка, вы не очень-то на Валю поглядывайте. А то я вас в административном порядке отправлю в ссылку... в Краснодар!

А через два дня после этого веселого ужина Кромов был убит наповал выстрелом из-за угла, когда он, как обычно, шел вечером на Пролетарскую, пять. Волчинов отомстил ему за смертный приговор трем своим сподвижникам.

Секретаря трибунала Клешина отозвали в Краснодар. Он пришел к Валерии проститься. Она едва поднялась с тахты — такую слабость чувствовала во всем теле, слабость и безразличие ко всему, что происходит вокруг. Это безразличие было похуже, чем слабость!

Прощаясь, Клешин сказал ей:

— Валерия Ибрагимовна, вот возьмите — здесь мой краснодарский адрес. (Валерия послушно взяла протянутый ей листок бумаги.) Если я вам когда-нибудь понадобится — напишите, и я приеду, прилечу... пешком приду, чтобы вам помочь!

— Спасибо, Ванечка! Извините, что я вас так назвала, это я вспомнила Геннадия Петровича, он ведь вас так называл.

Она заплакала, Ванечка помог ей дойти до тахты и лечь, попрощался и ушел.

...О своей жизни в Адинской после убийства Кромова Валерия не любила рассказывать, и я, видя, что эти воспоминания ей тягостны, не задавал никаких вопросов. Она лишь как-то сказала мне:

— Не знаю, что было бы со мной, если б не Парамоновна! Я жила в каком-то оцепенении. Парамоновна устроилась на работу в детский дом — кухаркой. Она приносила мне оттуда какую-то еду. Так и жили... Я почти все продала, что у меня было, обтрепалась ужасно.

— Почему ты не связалась с Ниной Кручинской и не уехала в Краснодар?

— Не хотела такой нищенкой туда являться.

Сватовство П. П. Дубаева

Начался нэп — новая экономическая политика. Жизнь страны круто пошла на подъем. На Кубани нэп на первых порах выразился в широкой сдаче в частную аренду паровых и ветряных мельниц, в большинстве своем стоявших «на приколе».

Мельницы брали у государства в аренду или отсидевшиеся в своих потаенных норах их бывшие владельцы — станичные богатеи, или предприимчивые люди, державшие нос «по ветру».

Однажды в убогую хатку на Пролетарской явился представительный мужчина лет сорока с небольшим в добротном синем шевиотовом костюме, в лаковых с серым замшевым верхом ботинках. Внешность у него тоже была вполне благопристойная, разве только увесистая нижняя челюсть чуть ее портила.

— Вы к кому? — испуганно спросила его Валерия.

— Если вы Валерия Ибрагимовна Садыкова, то к вам. Я привез вам письмо от Нины Владимировны Кручинской из Краснодара. Я в Адинскую на несколько дней, мельничку тут хочу заарендовать, надо взглянуть на нее по-хозяйски... Присесть позволите?

— Пожалуйста!..

Он сел, оглядел убогую комнатку и вздохнул, выразив этим дипломатическим вздохом свое сочувствие к ее обитательнице.

— Вы позволите, я сейчас прочту Нинино письмо? — сказала Валерия.

— Прошу вас, не стесняйтесь!

Нина Кручинская писала:

«...Я знаю о твоём несчастье. Почему молчишь? Что с тобой? Как ты живешь, а главное — как думаешь жить дальше? Это письмо передаст тебе П. П. Дубаев, он бывает у нас в совнархозе по своим делам. Вдовец! (Нина подчеркнула это слово.) Человек он, кажется, добрый и обходительный и, во всяком случае, очень деловой и обязательный. Я много ему говорила о тебе, и он с а м («сам» тоже было подчеркнуто) вызвался взять для тебя письмо перед отъездом в Адинскую. У меня новость: я нарушила свой обет и обзагсилась с одним нашим спецом. Пока все идет хорошо, он меня слушается безропотно, что и требовалось доказать. Приезжай в Краснодар — надо поговорить. На П. П. обрати внимание, не отталкивай его. Пиши, а еще лучше скорее приезжай!»

Валерия прочла письмо, взглянула на Петра Петровича и улыбнулась ему. И он тоже заулыбался, расцвет весь: Валерия увидела и почувствовала, что произвела на него именно то впечатление, которое всегда производила на мужчин, знакомясь с ними. И это ощущение было ей приятно.

— Вы где остановились, Петр Петрович?

— У отца Николая, адинского батюшки. Старый мой знакомый.

В тот вечер Петр Петрович просидел у Валерии недолго, на следующий день снова явился — с букетом роз из садика адинского батюшки. Парамоновна угощала гостя грушевым взваром. Он пил, похваливал, не спуская масляных восхищенных глаз с Валерии, и очень Парамоновне понравился. О письме Нины Кручинской Валерия ей еще раньше рассказала.

— Сразу видно — обстоятельный мужчина! — наставляла она свою «квартирантку», когда Дубаев ушел. — И тем более — вдовец. И ты тоже вроде как вдова. Чем не парочка — гусь да гагарочка! Смотри, Валюша, не упusti рыбку, которая сама в руки идет. Кто его знает, может, он как раз и есть твое счастье долгоданное!

Валерия отшучивалась или отмалчивалась. А Петр Петрович в скором времени снова явился в Адинскую, привез Валерии из Краснодара коробку с пирожными, только что появившимися в продаже, и привет от Нины Кручинской.

— На дрожжах новой политики, Валерия Ибрагимовна, жизнь всходит, как хорошо замешенное тесто. Видите, уже частная кондитерская возникла из небытия, можно сказать! — рассуждал он, помешивая ложкой отвар из ягод шиповника, заменявшего Валерии и Парамоновне чай. — Сейчас кто человек предприимчивый и голову, а не кочан носит на плечах, тот большими делами будет ворочать. С такими людьми и власть должна считаться.

— А как ваши дела с мельницей в Адинской, Петр Петрович? — спросила его Валерия.

— Беру-с! Кое-какие формальности довинчу до конца, и все! Эта мельница у меня будет третья. Теперь только бы урожай господь бог послал хороший! А смолоть его мы уж как-нибудь смелем, не извольте беспокоиться!..

Хототнул, поднялся, стал прощаться. Прощаясь, неумело поцеловал Валерии руку, демонстрируя, что и мы, мол, знаем, что такое тонкое обращение, не лыком шить! Когда его губы прикоснулись к ее огрубевшей руке, она смутилась и невольно обронила:

— Не надо, Петр Петрович! Я отвыкла от этого!..

— Ничего, привыкайте. Такую ручку не облобызать — грех!

В третий свой приезд Петр Петрович в присутствии Парамоновны сделал Валерии официальное предложение стать его женой.

Выпив того же отвара из ягод шиповника, он нахмурился, посуровел и, обратившись к Валерии, сказал:

— Валерия Ибрагимовна, я историю вашей биографии всю целиком знаю и ничего против нее не имею. О себе скажу кратко: я человек трудолюбивый, но с толком, а не абы как! По натуре я — семьянин, мне нужна хозяйка, супруга, а не вертихвостка. Покойница моя, царствие ей небесное, не соответствовала, откровенно говоря, моим, как говорится, идеалам в этих смыслах, ну да бог с ней.

Он церемонно поклонился Валерии.

— Имею честь, Валерия Ибрагимовна, просить вашей руки! Александра Парамоновна, — обернулся он к Парамоновне, слушавшей его со слезами на глазах, — будьте свидетельницей моего предложения.

Валерия молчала, опустив голову.

Петр Петрович еще более посуровел.

— Вы молчите, Валерия Ибрагимовна? Как нужно понимать ваше молчание?

Тут Парамоновна не выдержала.

— Как знак согласия! Валюша, скажи же им, что ты согласная! Валерия подняла голову и произнесла тихо:

— Да, я согласна!..

Петр Петрович просиял и почтительно облобызал руку Валерии, а Парамоновну чмокнул в ее белоснежную хустку.

...Валерия мне так объяснила свое решение.

— Понимаешь, я тогда такой беспомощной и такой никому не нужной чувствовала себя в Адинской после смерти Геннадия Михайловича. А тут он со своим предложением! Вдруг какая-то тропинка появилась в тумане, куда приведет — неизвестно, но все-таки куда-то выведет из этого мрака.

Что касается самого Петра Петровича, то тут, как мне кажется, было другое. Его, как и многих таких же, как он, «деловых людей», влекло к тем, кого в то время называли «бывшими». Подумать только, дочь царского офицера, благородная институтка станет законной супругой сына станичного лавочника! Ему для его «дела» нужна была такая жена-вывеска, жена-реклама, не говоря, конечно, о физическом влечении.

Решено было повенчаться в адинской церкви у отца Николая через недельку, а зарегистрировать брак по-советски уже в Краснодаре, где Петр Петрович снимал квартиру. Никаких поползновений к сближению с Валерией он не делал, держался корректно, лишь позволял себе теперь лобызать не только ее ручку, но и щечку. Впрочем, перед отъездом в Краснодар — в хате они были вдвоем, Парамоновна по своему обыкновению исчезла — он среди делового разговора о покупках, которые намерен сделать в Краснодаре к свадьбе, положил свою тяжелую руку на ногу Валерии выше колена и стал ее поглаживать, а потом вдруг засопел и привлек Валерию к себе, но она не смогла скрыть дрожи гадливого отвращения, и он почувствовал эту дрожь, но расценил ее по-своему:

— Нет, — сказал Петр Петрович как бы самому себе, — не станем упреждать событий, у нас в семье так было заведено: до венца — ни-ни. Окрутился — тогда уж... с богом!.. — Отодвинулся от смущенной Валерии, извлек из кармана записную книжку и карандаш и сказал как ни в чем не бывало: — Валя, ну-ка скажите мне номер вашей ножки и какие полагается циферки размеров для свадебного платья. Все на заказ будем делать!..

Он уехал, с тем чтобы вернуться «через недельку», а Валерия, по ее словам, «замкнулась в своей тоскливой раковине наглухо».

— У меня было такое ощущение, будто я сама себе подписала смертный приговор. Когда я думала о том, что мне придется жить с ним, я испытывала такое отчаяние, какого не знала раньше.

Именно в эти дни перед свадьбой она вспомнила слова Ванечки Клещина о том, что он прилетит, придет, пешком придет, чтобы

помочь ей в трудную минуту, и написала ему по оставленному адресу письмо:

«Милый Ванечка! Спасите меня! Если можете, приезжайте в Адинскую, но не позже, чем через пять-шесть дней после получения этого письма. Все объясню при встрече. В. Садыкова».

Письмо она опустила в почтовый ящик на Адинском вокзале — решила, что так оно скорее и вернее попадет в Краснодар.

Это письмо было для нее тем слабым огоньком надежды, без которого, как Валерия говорила, нельзя жить.

Бегство

Петр Петрович прибыл в Адинскую утром в назначенный день, побыл немного в хатке на Пролетарской у своей нареченной и пошел к отцу Николаю договориться о часе венчания.

Когда он ушел, Парамоновна стала, ахая и причитая, рассматривать подарки, которые он привез для Валерии из города. Уступая ее просьбам, Валерия примерила белое платье невесты из тафты, оказавшееся ей впору, и такие же белые туфли — они немного жали ногу, но были великолепны, в особенности по сравнению с теми обносками и разбитыми чулками, которые она носила в Адинской.

Парамоновна попросила ее:

— Валюша, касаточка, пройдишь чуточек передо мной! — Валерия прошлась. — Королева! — снова стала причитать Парамоновна. — Чистая королева бубней!.. Дождалась ты своего счастья, дитяtko мое ненаглядное, теперь мне и помирать можно!..

А Валерию, по ее словам, охватила безысходная тоска. От Ванечки Клешина никаких известий не было.

— Я поняла тогда, почему люди в роковых для них обстоятельствах предпочитают смерть подневольной жизни. Жить с Петром Петровичем? Нет! Лучше умереть, раз уж такой жребий мне выпал!

Она решила покончить с собой. Как? Броситься в реку — здесь течение было сильным, и Валерия знала глубокие места, где ее, не умеющую плавать, мгновенно закрутили бы бурунные воронки.

Воспользовавшись тем, что Парамоновна ушла из хаты по своим хозяйственным надобностям, она быстро стянула с себя венчалное платье, с ожесточением бросила его на пол, надела свое затрапезное ситцевое платьишко и выскользнула из дома. Уже на улице она обнаружила, что туфли — подарок жениха — она забыла сменить на свои чулки. Возвращаясь в хату было неосмотрительно, и она, крадучись, быстро пошла, даже побежала по направлению к шоссе-ной дороге. Ей предстояло ее пересечь и там по невысокому обрыву спуститься к реке. Новые туфли жали, да и к тому же, как призналась мне Валерия, ей было их жалко. Утром пролился дождь, и станичные улицы еще не просохли от грязи. Она сняла туфли и чулки и пошла бросаться в речку босая, прижимая красивые туфли к груди.

Вышла на шоссе и остановилась, чтобы пропустить извозчий городской фаэтон, приближавшийся к въезду в станицу. Кони вдруг остановились, и из пролетки выскочил на шоссе... Ванечка Клешин! Оказалось, что он, опоздав на поезд, идущий в Новороссийск, нанял городского извозчика и так добрался до Адинской спасать Валерию. От чего спасать? Этого он не знал.

Полубезумная, босая, с новенькими туфлями, прижатыми к груди, она рассказала ему все, что хотела и должна была рассказать. Ванечка тут же, на шоссе, принял решение.

— Возвращаться вам домой, Валерия Ибрагимовна, нельзя. Вы поедете со мной в Краснодар. А там — видно будет! Матвей, — обратился он к фаэтонщику, — сумеешь довезти нас сейчас же, без отдыха, хотя бы до Арипской? Мы там сядем на поезд.

Бравый Матвей посмотрел на усталых коней, тяжело водивших боками, сказал сокрушенно:

— Кони шибко утомились, Иван Иванович, отдых нужен!

— Матвей, — сказал Ванечка с чувством, — тут, понимаешь, решается вопрос жизни и смерти. Поедем, будь другом, выручи. Вознагражу — не обидишься!

Матвей вздохнул:

— Ладно, садитесь.

Ванечка помог Валерии сесть в фаэтон и сказал:

— Надо вашей старушке весточку послать... чтобы шума не поднимала. Да и Дубаеву напишите два слова, а то... нехорошо получится. — Он достал из кармана пиджака блокнотик и карандаш: — Пишите.

Валерия написала две записки — Парамоновне: «Я уехала. На днях дам знать о себе. Так надо».

И Дубаеву: «Петр Петрович! В последний момент поняла, что статья вашей женой не могу. Если можете меня понять — поймите и простите».

— А как эти записки переслать?

Ванечка ответил беспечно:

— Сейчас что-нибудь придумаем!

И тут на шоссе появился станичный пацаненок с длинным удилицем на плече и с ведерком для будущего улова в руке.

Ванечка вложил два пальца в рот, пронзительно свистнул. Пацаненок остановился, обернулся.

— Иди сюда! — приказал ему Ванечка.

Пацаненок подошел.

— Куда направляешься? — строго спросил его Ванечка.

— Щук ловить!

— Звать как?

— Ленькой... Власенко Леонид.

— Ты меня знаешь, Власенко Леонид?

— Знаю. Из трибунала вы... который в станице стоял.

— То-то! Приказ тебе дается: беги сейчас в Пролетарскую, дом пять, отдай эти записки старушке, которая там живет. А потом можешь идти щук ловить. Смотри, не исполнишь приказа — закатаю тебя в трибунал. Понял?

— Понял! — сказал Ленька, взял записки и побежал исполнять приказ.

Ванечка одним махом забрался в фаэтон, сел рядом с Валерией и весело бросил извозчику Матвею:

— Ну-ка, Мотя, покажи, на что способен краснодарский фаэтонщик!

Матвей приподнялся на козлах, дернул вожжами, зачмокал губами, произвел горлом какой-то звук — не то «их», не то «эх», и послушные кони с места пошли ходкой рысью.

Валерия навсегда покинула Адинскую.

Ее второе замужество

Валерия стала женой Ванечки Клешина. Сам он вскоре после женитьбы демобилизовался из армии, оставил службу в трибунале и был принят в коллегии адвокатов.

Новая экономическая политика вернула «адвокатскому сословию» то положение, которое оно занимало в дореволюционном обществе, если не в полном объеме, то, во всяком случае, в повседневной деловой жизни. Всяческие нэпманские фирмы, предприятия, акционерные компании не могли обойтись без юристов. Те адвокаты, которые занимались практикой, в особенности по делам гражданским, зарабатывали большие деньги. Нэпманы, понимавшие цену и силу денег, знали, что деньги тогда лишь «дают должный эффект», когда поступают не в государственную или общественную кассу, а из рук в руки. Уплатив так называемый фикс в кассу коллегии адвокатов, такие клиенты вступали затем «со своим» адвокатом в частные нелегальные отношения и безоговорочно выплачивали ему ту сумму, которую он сам назначал за свои юридические услуги. Существовали, конечно, контроль, и налоговое обложение, и финансовая инспекция, но недаром же говорится, что «на каждое ядие есть свое противоядие». Деньги и тут давали «должный эффект», несмотря на все формальные строгости и суровую борьбу со взяточничеством.

Клешины зажили на широкую ногу. У них была хорошая квартира — две комнаты, отлично по тем временам меблированные, хозяйство вела Парямоновна, которую Валерия вызвала в город из Адинской.

Петр Петрович о себе не давал знать. Но однажды Валерия, возвращаясь после вечерней прогулки домой, встретила с ним на

улице. Он шел с какой-то женщиной. Валерия смутилась, хотела свернуть в переулок, чтобы избежать встречи, но Петр Петрович, оставив свою даму, сам подошел к ней.

— Здравствуйте, Валерия Ибрагимовна! — сказал он вполне непринужденно. — Как изволите поживать?

Смутившись еще больше, она ответила:

— Ничего. А как вы?

— Последовал вашему примеру и вступил в законный брак.

— Не сердитесь на меня, Петр Петрович, за то, что произошло, прошу вас!

— А я и не сержусь! Всякое бывает! Я так полагаю, Валерия Ибрагимовна: что ни делается, все к лучшему. Супруг у вас — голова, дай бог каждому на пашу.

Он поклонился, Валерия протянула ему руку, лобызать ее он не стал, просто пожал легонышко и пошел к своей супруге. Валерия его остановила:

— Петр Петрович, у меня ваши туфли остались... Я их вам пришла. Я тогда забыла про них... Скажите ваш адрес.

— Пустяки какие! — укоризненно сказал Петр Петрович. — Оставьте их себе на память о несостоявшемся событии.

С Ниной Кручинской Валерия виделась редко — та вела совсем иную жизнь: продолжала работать все в том же совнархозе, у нее появился ребенок, и все связанные с ним заботы поглощали ее досуг. А у Валерии этого досуга было много, даже слишком много. Ее Ванечка уходил в свою коллегия или в суд с утра, возвращался поздно и обычно навеселе: клиенты считали своим долгом угостить дотошного юриста в ресторане, где по вечерам стоял дым коромыслом и шампанское, водка и вино лились рекой. Работать? Но на какую работу могла пойти Валерия? Образование у нее было в буквальном смысле слова «ниже среднего», трудовых и общественных интересов и навыков — никаких. За Ванечкиной спиной она жила безбедно, сытно и... очень скучно. А натура у нее была темпераментная, бурные чувства искали выхода, и она... стала изменять своему Ванечке! Тайные свидания и тайные письма, получаемые на почте в окошечке «до востребования», пылкие объяснения, сцены ревности — вся эта пошловатая мишура, обязательная принадлежность скоротечных безлюбовных романов, помогала ей преодолевать скуку. Ванечку она не любила, она была ему лишь бесконечно благодарна за то, что он избавил ее от Петра Петровича Дубаева.

Но и сам Ванечка был уже не тот веселый студент в военной гимнастерке, добрый малый, любитель гульнуть, первым запевавший на товарищеских вечеринках старые студенческие песни — обязательный «Гаудеамус» и еще «Так наливай сосед соседке». Слова этой песни — «первый тост за наш народ, за святой девиз вперед» — Ванечка пел с большим искренним чувством. Что осталось от того

веселого студента в суховатом, погруженном в свои бесконечные иски и контриски адвокате с тяжелым портфелем под мышкой, спешившем по утрам в суд на очередное судебное разбирательство? Да ровным счетом ничего! Впрочем, процесс превращения человека-гражданина в человека-обывателя много раз описан в нашей литературе, и я ставлю здесь точку.

Надо еще тут рассказать о двух драматических событиях из жизни Валерии, чтобы иной читатель не поспешил со своим «приговором роковым» и не назвал бы ее «пустой бабенкой», надо рассказать о смерти Парамоновны и о неудачной беременности Валерии.

Парамоновна умерла внезапно, «на ходу». Вернувшись с рынка, поставила на пол тяжелую корзину с овощами, мясом и другими покупками, села на кухонную табуретку, сказала: «Чтой-то я сегодня вся такая утомленная, Валюша!» — и через пять минут ее не стало.

Валерия очень болезненно пережила ее смерть: оборвалась последняя ее связь с прошлым. Теряя отца, и в особенности мать, человек, даже семейный, всегда чувствует себя одиноком в этом штормовом мире, а у Валерии, собственно говоря, семьи-то не было.

Она снова замкнулась в своей раковине, как она говорила, и только неожиданная беременность позволила ей воспрянуть духом. И она, и Ванечка были страшно рады тому, что появится ребенок, загадывали, кто у них будет — девочка или мальчик. Валерия хотела девочку, а Ванечка мальчика — обычная история. Валерия даже стала лучше относиться к мужу, спрашивала Ванечку о его делах, чего раньше не делала, проявляла какую-то маленькую заботу лично о нем: «Возьми шарф, сегодня очень сыро», «Постарайся пораньше освободиться, я буду тебя ждать к ужину». Ванечка был счастлив от этой перемены.

Однажды днем раздался звонок, Валерия открыла входную дверь и даже отшатнулась от внезапно охватившего ее страха. Перед ней стояла старуха цыганка с медно-красным лицом, грубые черты которого выражали жестокою, уверенною в себе волю. На седых космах вызывающе аела косынка, а худую, длинную, морщинистую шею в два ряда нарядно обвивали дешевые — тоже алые — бусы.

— Что вам нужно? — спросила, оправившись от своего страха, Валерия.

— Давай погадаю, красавица!

— Не знаю, почему я пустила ее в комнату, — рассказывала мне Валерия впоследствии, — она так на меня глядела, будто приказывала: делай то, делай это... Прошла, села за стол, достала из кармана одной из своих многих юбок засаленные карты и стала гадать. Сначала говорила обычную чепуху, а потом поглядела на меня и говорит: «Ребеночка ждешь?» — «Жду!» Она снова стала бросать карты и вдруг молча поднялась и пошла. Я ее остановила: «Ну что же

ты замолчала, говори!» Она головой качает: «Нельзя говорить!».
«Нет, скажи!» Она увидела у меня на руке колечко с маленьким рубинчиком, говорит: «Дашь кольцо — скажу!» Я как в тумане сняла кольцо, отдала ей. Она его сунула за пазуху и опять пошла. Я схватила ее за рукав кофты уже в дверях. «Ну говори же!» Она обернулась и тихо сказала: «Умрешь от родов!» — и быстро-быстро пошла по нашему палисаднику к калитке.

Ванечка Валерия про цыганку и ее предсказание ничего не сказала, но сама была совершенно подавлена. «Как она могла узнать, что я жду ребенка!» — думала она, мучилась, не находя ответа, и опять задавала себе этот вопрос. Кончились эти терзания тем, что Валерия решила избавиться от ребенка. Нашлись добрые соседки, которые дали ей адрес расторопной акушерки, промышлявшей тайными абортными домами, и та сделала ей аборт, вызвав сильное кровотечение, от которого Валерию едва спасла «скорая помощь».

Потом, поправившись, она пошла на прием к местному знаменитому врачу-гинекологу, обаятельному красавцу грузину, баловню всех женщин города, и он, обследовав ее, сказал, вытирая руки белоснежным полотенцем:

— Рожать деток больше не будете! Что вы наделали, голубушка! Какой красивый ребенок мог бы появиться на свет от такой красивой матери!

Время, говорят, все лечит. Валерия пришла в себя, поправилась, была все так же красива. Жизнь ее покатила по старой колее.

В это время я и познакомился с ней. Я тогда работал в городской газете, печатал в ней звонкие фельетоны, а «для души» продолжал сочинять лирические стихи, которые охотно читал всем, кто хотел их слушать. Знакомый врач пригласил меня в гости на ужин по случаю дня рождения своей жены — моей давнишней, со студенческих лет, приятельницы.

Народу собралось много, стол был уже богато накрыт, из кухни в столовую текли волнующе вкусные запахи, полные графины и бутылочки манили и звали к себе, пора было начинать ужин, но хозяйка дома — виновница торжества, посмотрев на ручные часики, сказала:

— Чутьочку потерпите, дорогие гости! Сейчас явится Ванечка Клешин со своей Валерией-великолепной, и мы начнем!

Она обратилась ко мне и добавила:

— Леня, вы не знакомы с Валерией-великолепной?

— Не имею чести! — сказал я.

— Будете сегодня эту честь иметь. Держу пари, что вы влюбитесь в Валерию с первого взгляда.

— Посмотрим! — сказал я.

Наконец опоздавшие гости явились, Ванечка — краснолицый, со свежей царапиной — след поспешного бритья — на лице, в парадном

черном костюме и с галетуком-бабочкой под туго накрахмаленным воротником сорочки, был бы тоже достоин титула «великолепный», если б не напоминал чем-то официанта из хорошего ресторана. А Валерия в сильно открытом темно-вишневом цвета платье с букетом красных роз в руках — подарок хозяйке дома, была поистине Валерией-великолепной. Кто-то из мужчин даже заплодировал, когда Клешины появились в столовой, и аплодисменты эти, конечно, адресовались не Ванечке.

Ужин был шумный, веселый и долгий. Валерия за столом сидела напротив меня. Присмотревшись, я узнал в ней ту ярко-красивую женщину, которой в свое время помог разыскать в коридорах совнархоза комнату, где сидела ее подружка — Нина Кручинская. Да, это была она! Какое прекрасное лицо! Выражение горькой грусти, которое порой появлялось на нем и тут же мгновенно исчезало, делало его еще прекраснее. В тот вечер я не сказал Валерии о нашей первой встрече в совнархозе, сказал позже.

Кто-то, кажется, та же неутомимая хозяйка дома, попросил меня «что-нибудь почитать». Я согласился, она призвала своих гостей к тишине и порядку, и я стал читать свои стихи.

Сейчас мне неловко признаться в том, что я автор этих жеманных мальчишеских строк, но из песни слова не выкинешь. Я процитирую здесь лишь одно четверостишие из стихотворения, которое, кажется, называлось «Желтые розы»:

Много желтых роз вокруг фонтана,
Ты сюда приходишь в час закатный.
...Не заметит жадный взор султана
В эту ночь тревоги непонятной!..

Стихи мои имели успех, в особенности они понравились пировавшим дамам. Валерия тоже сказала, улыбаясь, что мои стихи ей очень понравились. Я совершенно потерял голову, с каждой минутой Валерия нравилась мне все больше и больше. Помню, что в конце вечера, прощаясь, я сказал, что хотел бы встретиться с ней. Она тихо ответила: «Хорошо». «Когда и где?» «В городском парке. У вас хорошая память?» «Не жалуюсь». «Напишите мне до востребования, городской почтамт — Валерии Ибрагимовне Садыковой-Клешиной. Любой день — в час дня».

Тут к ней подошел подвыпивший Ванечка, взял под руку и довольно бесцеремонно сказал мне:

— Мы — домой. У меня завтра в девять дела в суде. До свидания! Идем, Валерия!..

В письме, которое я послал Валерии «до востребования», я написал, что буду ждать ее в городском парке в липовой аллее, налево от фонтана — как войдешь в парк. Я любил эту аллею, тут так славно шумели под ветром столетние липы, и лепет их листьев смешивался с

щебетом и посвистыванием птичьего разноголосого народца. Липы казались живыми добрыми великанами, которые о чем-то переговариваются между собой на своем ласковом листовном языке.

Аллея была почти пуста. Я сел на скамейку и стал ждать Валерию. Она не опоздала! Боже мой, как забилось мое сердце, когда я увидел ее, идущую по аллее своей удивительной походкой, увидел ее гордо посаженную черноволосую головку, ее улыбку!

...Связь моя с Валерией длилась около года. Мы встречались с ней либо у меня, либо у нее, когда Ванечки не было дома. Мы думали, что никто не знает о нашем романе, но, конечно, досужие городские кумушки узнали о нем, слухи дошли до Ванечки, однако, как сказала мне Валерия, она его «угомонила».

Через год я уехал из города работать в Среднюю Азию. Прощаясь, мы дали клятву писать друг другу и, увы, клятву не сдержали. Я, впрочем, послал ей одно письмо, но ответа не последовало. А потом получил от краснодарского друга большое письмо, где были такие строки:

«Да, чуть не забыл! Весь город разволновался в связи с самоубийством адвоката Клешина, мужа великолепной Валерии — твоей пассии. Она вернулась домой откуда-то и увидела мужа висящим на брючном ремешке. Хоронила его адвокатская коллегия, все пришли на похороны, и никто не подошел к вдове и не выразил ей своего сочувствия. Говорят, что она довела его изменами до рокового конца. Но может быть, все это лишь вздорная болтовня!»

Плохую ночь я провел тогда, читая и перечитывая это письмо.

Ее третье замужество

Перед началом Великой Отечественной войны с немецким фашизмом я приехал в родные для меня кубанские места по своим литературным делам. Ну, конечно, я стал наводить справки о Валерии и узнал, что она жива-здоровая и живет там же, где и жила со своим бедным Ванечкой. Я послал ей по этому адресу короткую записку — просил, если она может и хочет, встретиться со мной в городском парке в той же липовой аллее, налево от фонтана.

Она пришла на это свидание. Она была все так же красива, только чуть отяжелела. Я сказал ей:

— Ты не изменилась нисколько. Такая же красивая.

Знакомое мне облачко горькой грусти появилось на ее лице и так же, как и раньше, мгновенно исчезло.

— Спасибо за комплимент, но... время берет свое.

— По тебе это незаметно.

Мы посидели на той же скамейке, на которой сидели при первом нашем свидании. Поговорили о жизни, о том, о сем. Валерия

рассказала мне, что ее нынешний муж — артист местной филармонии, певец, выступает на эстраде и пользуется успехом. Уже прощаясь (она не захотела, чтобы я проводил ее), она сказала:

— Кстати! Завтра его концерт в Доме офицеров. Приходи обязательно, тебя ждет один сюрприз.

Это был обычный эстрадный концерт.

Под конец ведущая объявила «гвоздь программы»:

— Выступает артист филармонии Сергей Бирюлин, исполнитель старинных романсов и песен советских композиторов.

В зале захлопали, и на эстраде появились... Валерия в длинном черном с блестками платье, с пачкой нот в руках, а потом плотный мужчина во фраке с нагловатым выражением на сытом, самодовольном лице.

Валерия села за рояль, раскрыла ноты и, взглянув в зрительный зал, чуть улыбнулась. Улыбка эта предназначалась явно мне. Это и был ее сюрприз.

Голос у Бирюлина был неплохой — тенор несколько жесткого металлического тембра, но манера исполнения... сама ее сиятельность Пошлость не могла бы показать себя на эстраде выразительнее, чем он! Что касается Валерии, то она аккомпанировала ему прекрасно — тушила где надо звук и форсировала его тоже там, где нужно.

Нельзя было мне не зайти за кулисы к Валерии, и я зашел. Она представила меня мужу как своего старого друга. Бирюлин ждал похвал от столичного слушателя. А я стал хвалить не его, а Валерию.

— Ты была на большой высоте,— сказал я ей,— аккомпанировать нужно умеючи. Где ты постигла это искусство?

— В институте нас учили музыке, и потом... вот мой учитель! — она показала мне глазами на Бирюлина.

— Пришлось потрудиться! — сказал он, но тут его позвала заглянувшая в их уборную ведущая концерта, и он, извинившись, исчез.

Мы молчали.

— Ну, а как он... по-твоему? — спросила Валерия.

Мне не хотелось притворяться и отделяться обтекаемыми фразами, и я сказал прямо:

— Извини, но, по-моему, он ужасен!

Через неделю я уехал в Москву, и вскоре началась война.

Ее гибель

Краснодар оказался во власти оккупантов, и те его жители, которые по разным причинам не успели или не сумели вовремя эвакуироваться, до дна выпили чашу унижений и мук — немцы ведь

были большими мастерами по части изготовления дьявольского напитка порабощения. Трупы повешенных на фонарных столбах, жестокие облавы на базарах, поголовное истребление еврейского населения — все познал веселый, добрый и хлебосольный город.

В 1943 году началось наше наступление, и немцы стали поспешно убраться с Северного Кавказа, чтобы не попасть в котел. Они отходили на Таманский полуостров и потом через пролив в Крым, на Керчь.

Именно в это время я — военный корреспондент одной из центральных газет — и прилетел в освобожденный от фашистов Краснодар.

Мы сели на краснодарский аэродром, когда еще догорали какие-то его служебные постройки после очередного налета «юнкеров».

Горькое чувство охватило меня, когда утром я пошел побродить по городу. Картина разрушений в его центре, в особенности на его главной улице Красной, той самой милой нашей Красной, по которой в былые времена я так любил прогуляться, «прошвырнуться», как мы тогда говорили, вечером — людей посмотреть и себя показать, была особенно гнетущей, потому что обугленные коробки домов освещались все тем же щедрым и звонким кубанским солнцем!

Я шел, погруженный в свои невеселые размышления, как вдруг меня окликнули. Я обернулся и увидел женщину в гимнастерке без погон, в синей юбке и в сапожках, ладно обтягивавших ее красивой формы ноги.

— Не узнаете? Я — Нина Кручинская.

Как я мог ее не вспомнить?! Мы тут же условились встретиться. Оказалось, что она служит в армейской контрразведке военной переводчицей.

— Пока еще не аттестована, — сказала Нина, — поэтому обхожусь без погон. Обещают две звездочки!

От Нины Кручинской я и узнал все про гибель Валерии. Я передаю здесь ее рассказ так, как его запомнил.

— Я осталась в городе по особому заданию как владеющая свободно немецким языком. Мне удалось устроиться на работу в полицию — секретарем-машинисткой. Какие поручения центра я выполняла? Ну, во-первых, передавала нашим через связного кое-какие разведывательные данные — те, что выбалтывал начальник — недалекий склеротик, откуда-то из Белоруссии. Снабжала наших людей справками и документами, дававшими им право жить в городе.

О том, что Валерия в городе, я узнала из афиши о концерте ее мужа Бирюлина. Я пошла на этот концерт. Начала его Валерия — она сыграла на рояле «Лунную сонату» Бетховена очень хорошо, я была просто поражена ее игрой, а потом вышел ее супруг. Я его еще до войны не выносила, а тут он мне показался просто отвратительным.

Вскоре после этого концерта я встретила Валерию на улице. Мы не

поцеловались, просто поздоровались, и такая тягостная была напряженность между нами, что никакого разговора не получалось. И вдруг Валерия посмотрела мне прямо в глаза и сказала с упреком:

— Как ты можешь им служить? Ты, русская офицерская дочка?

Я не могла ей тогда открыться: конспирация! Спросила:

— А ты?

— Я только играю на рояле и аккомпанирую. Это совсем другое.

— Давай этой теме не будем касаться! — сказала я.

— Где твои муж и сын?

— На фронте. Я ничего про них не знаю!

Потом я еще один раз ее видела, и тоже на концерте. Мой склеротик всучил мне приглашение, сказал, что будет... все немецкое начальство! В зале действительно были одни немцы, преобладала форма СД и СС.

Когда Валерия кончила играть, ей долго аплодировали. Потом вышел Бирюлин, стал петь свои романсы, Валерия ему аккомпанировала. И вот он объявляет, что сейчас споет на немецком языке какую-то военную солдатскую песенку. Сидевшие в зале встретили это сообщение шумным одобрением. Надо петь, а Валерия не аккомпанирует. Сидит, положив руки на клавиши, бледная, как каменная, и... не играет. И вдруг встает и медленно, гордо, с высоко поднятой головой уходит за кулисы. Бирюлин бежит за ней.

В зале — шум, громкие разговоры. До моих ушей долетают слова: «похоже на саботаж». Потом снова выходит Бирюлин, омерзительный и жалкий, с каким-то немцем в штатском, и тот объявляет, что аккомпаниатор — фрау Бирюлина — почувствовала себя плохо, играть не может и что артист Бирюлин споет песенку под собственный аккомпанемент.

В этом месте своего рассказа Нина Кручинская, помню, замолчала. Пауза была долгой.

— Немцы стали покидать город, фронт приближался. Мой склеротик исчез, я осталась в полиции одна. Во дворе был каменный сарай, в нем содержались арестованные, в основном за нарушение комендантского часа и всяких приказов немецкой комендатуры. Надо было их выручить из беды, потому что служба СД могла в последний момент их просто уничтожить. И вот ко мне в полицию неожиданно является Валерия. Она рассказала мне, что Бирюлин удрал — немцы дали ему одно место в машине. Я сказала: «А если б дали два, ты бы уехала с ним?» «Ни за что!» «Он хоть записку прощальную тебе оставил?» «Нет. И не надо о нем больше говорить!»

Я выглянула в окно — по улице грохотали танки с крестами на броне. Медлить больше было нельзя. Я сказала Валерии, кто я на самом деле и что нужно сейчас же выпустить на свободу из сарая арестованных, а то немцы спохватятся, придут сюда, и тогда — все. «Ты согласна мне помочь?» «Согласна!» — ответила она, не задумываясь ни на секунду.

Я открыла дверь в сарай. Арестованные — страшные, заросшие — вскочили на ноги. Они решили, что настала их последняя минута.

— Товарищи! — сказала я. — Вы свободны. Немцы уходят. Бегите по домам дворами, переулками, скрытно и по одному. Ну, быстро! Они стали разбегаться — кто куда.

И вдруг Валерия крикнула: «Нинка, беги!» Я обернулась и увидела, что в канцелярию вошли двое в черной форме, у одного в руках — автомат, у другого — офицера — пистолет. Я побежала, а Валерия не то растерялась, не то хотела дать мне возможность убежать, но... они ее схватили. Я услышала только, как она крикнула: «Нина, прощай!»

ГОСТЕПРИИМСТВО В КВАДРАТЕ

Вечер в Стамбуле

I

Утром меня разбудил муэдзин. Я проснулся от его жалобного и страстного призыва, голос был резкий, неприятный, с какими-то козлиными нотками, и я долго лежал с открытыми глазами и не сразу понял, где я и что со мной происходит.

Потом пришла ясность: я же в Стамбуле, куда прилетел вчера из Анкары, а в Анкару из Москвы!

Вставать не хотелось, но я заставил себя подняться и вышел на балкон, чтобы взглянуть на утренний Босфор.

Стоять или сидеть в плетеном кресле на балконе, любясь величественной трудовой сутолокой Босфора, можно часами, но свежий ветерок заставил меня ретироваться.

.....

Ровно в 10 часов утра, как было условлено, за мной и моими спутниками по путешеству заехали наши новые друзья из Синдиката турецких писателей, и я вернулся в отель лишь к вечеру. Я не пошел вместе со всеми в кино, а решил как следует отдохнуть. Я разделся, лег в постель и по давней своей привычке стал последовательно, кадр за кадром, вспоминать прожитый день. И незаметно для себя задремал.

II

Разбудил меня на этот раз не козлетон муэдзина, а телефонный звонок.

Мужской голос что-то говорил по-турецки. Я сначала по-русски, потом по-французски ответил, что не понимаю турецкого языка. Тогда мужской голос сменился женским — говорила сотрудница отеля. Она по-французски объяснила, что пришли двое мужчин и просят меня спуститься вниз, в вестибюль. Я понял, о ком идет речь. Мой друг, абхазский писатель-сатирик, дал мне номер стамбульского телефона своего родственника по линии жены, потомка абхазцев, переселившихся в Турцию более ста лет тому назад.

— Он вам окажет гостеприимство в квадрате! — сказал мне мой веселый друг. — Я ему говорил, что вы приедете в Турцию, когда он гостил у нас в Сухуми.

— Что значит «гостеприимство в квадрате»? — спросил я.

— Вы знаете, что абхазцы славятся своим гостеприимством, турки — тоже, помножьте абхазское гостеприимство на турецкое — это и будет гостеприимство в квадрате, которое вам окажет Дабри-бей.

Я спустился в вестибюль. Навстречу мне шагнул, простирая руки для объятий, пожилой человек в роговых очках, в добротном демисезонном пальто и в шляпе, показавшейся мне старомодной. Мы расцеловались так, как будто знали друга друга не менее ста лет, и Дабри-бей произнес по-турецки длинную и пылкую тираду, из которой я не понял ни слова.

Подошла сотрудница из бюро сервиса отеля и перевела мне суть приветственной речи Дабри-бея на французский. «Он выражает свою радость по поводу прибытия господина профессора в Стамбул, — сказала сотрудница, — благодарит за привет и просит вас оказать ему честь и поужинать вместе с ним, но не у него в ресторане, а в другом столь же интересном месте».

Узнав от Дабри-бея, что я стал «профессором», я несколько растерялся и начал мямлить по-французски, что я сыт и чувствую себя усталым, но тут подошел спутник Дабри-бея, толстоусый брюнет с мощным торсом, похожий на борца или на боксера, а еще больше на кота Бегемота из булгаковского романа про Мастера и Маргариту, и тоже заключил меня в свои могучие объятия.

Гостеприимство в квадрате началось!

Я покорно сел в машину, ожидающую нас у подъезда отеля, и мы нырнули в круговорот предночного Стамбула. Мы перескочили босфорский мост — замечательное сооружение, как бы висящее в воздухе на стальных струнах, — и потом долго колесили по полутемным улицам и переулкам.

Наконец машина остановилась — надо было вылезать из нее. Мы прошли за угол, пересекли палисадник и оказались перед входом в ресторан.

Мальчик-гардеробщик взял наши пальто, и мы направились в зал навстречу гремевшей музыке. Небольшой, но хорошо сыгравшийся оркестр играл что-то знакомое, даже больше чем знакомое, но в своей залихватской кабацкой манере. Я остановился, прислушался. Господи, да ведь это же наша «Дубинушка»!

Мы вошли в зал и сели за уже накрытый стол. Подходили какие-то люди, видимо, соотечественники Дабри-бея, — они почтительно кланялись «профессору» и садились за наш стол. Узкогрудый и бледный молодой человек поцеловал — по горскому обычаю — мою руку.

Официант принес раки для хозяев стола и бутылку белого вина для «профессора», и наша безмолвная тайная вечеря началась.

III

Мы ели, пили, чокались через стол, любезно улыбались. Досада моя на самого себя росла! Хоть бы он скорее кончился, этот трудный ужин! Неужели среди этих симпатичных людей нет ни одного, кто мог бы стать нашим переводчиком?!

Оркестр смолк. Наступила законная пауза в его работе. Пианистка — пожилая, профессионально сутуловатая женщина в черном вечернем платье с блестками — поднялась и направилась прямо к нашему столу. Я встал. Она сказала с улыбкой на хорошем русском языке:

— Дабри-бей говорил, что вы приехали из Советского Союза. Я русская, меня зовут Алевтина Иоанновна.

Я пожал ее маленькую сильную руку. Она села рядом со мной на свободный стул.

— Вы давно живете в Стамбуле, Алевтина Иоанновна?

— Фактически всю жизнь. Я, как теперь говорят, из первой эмигрантской волны. Мне семьдесят шесть лет, а привезли нас сюда, когда мне было девятнадцать... Мои родители жили в Кисловодске, я окончила там гимназию. У нас была своя дача на Российской улице. Интересно, сохранилась ли в Кисловодске такая улица? Вы не знаете случайно?

— Не знаю, Алевтина Иоанновна! Вы, наверное, офицерская жена?

— Как вы догадались?

— Мой отец был военный врач, я хорошо знал офицерскую среду. А потом, вы же сказали, что вы из первой эмигрантской волны. А как могла кисловодская гимназистка в то время попасть в Турцию? Или с помощью генерала Деникина — через Новороссийск, или при содействии генерала Врангеля — из Крыма?

— Из Крыма! Мой муж — я вышла замуж в восемнадцать лет — был врангелевским офицером-танкистом. Ему было двадцать два года, когда его танк попал в «волчью яму» в Таврии в бою под Каховкой, на Днестре. Был тогда такой городок... в общем, станция, если я только не путаю...

Я слушаю, что мне говорит старая ресторанный пианистка, и у меня возникает странное ощущение полной нереальности того, что происходит. Уже нет ни этого стамбульского ресторана, ни почтенного Дабри-бея, ни его гостей. Река времен вдруг остановилась, потекла вспять и обрушила на нас свое цунами.

Глядя прямо перед собой, Алевтина Иоанновна продолжала говорить, вспоминая то, что было пятьдесят восемь лет тому назад:

— Я племянница генерала Богаевского Африкана Петровича, последнего донского атамана. Его жена — моя родная тетка. Я тоже была на фронте в Таврии... Пришла, помню, на какую-то станцию

с нашей базы, вижу — стоит поезд. Синие вагоны с атаманскими донскими эмблемами. Я — к часовому. «Вызовите ко мне адъютанта атамана». Вышел интересный сотник, я попросила доложить Африкану Петровичу, что его хочет видеть Аля — его племянница. Африкан Петрович сам помог мне забраться на вагонную площадку, повел в свой салон. А там — ужасный разгром! Что такое?! Оказалось, что атаманский поезд попал в западню — въехал на какую-то станцию, а она была захвачена буденновцами. Поднялась страшная стрельба, началась паника, атаман и офицеры штаба бросили свой поезд, разбежались и попрятались в кустах. Буденновцы весь поезд разгромили, но впопыхах забыли подорвать паровоз и ускакали. Когда они ускакали, офицеры вылезли из кустов, развели в паровозе пары и поскорей ходу оттуда!

Опустив голову, прижав ко лбу ладонь, Алевтина Иоанновна плачет, подавленная своими воспоминаниями. Мелкие слезинки катятся по ее увядшим щекам. Потом она берет себя в руки, выпрямляется и вновь превращается в светскую пожилую даму. Мы продолжаем наш разговор.

— Как же вам тут живется, Алевтина Иоанновна?

— Я благодарю бога и поминаю добром папу и маму за то, что они учили меня музыке. Музыкант — это та профессия, с которой не пропадешь!.. Видите, там, у стены, стоит мужчина? Вон тот — седой, красивый. Это наш виолончелист и певец! Он грек, его зовут Теодор. Известная личность! Ему шестьдесят семь лет, но девчонки до сих пор за ним бегают, назначают свидания. Он мой друг, мы давно вместе работаем. — В ее голосе звучат горделивые нотки. — Можно смело сказать, что публика на нас ходит!.. В прошлом году с нами случилась большая беда!

— Какая?

— Сгорел ресторан, в котором мы работали, и все наши ноты погибли, весь репертуар. Представляете? Мы полгода были без работы. — Алевтина Иоанновна зябко поводит плечами. — Но, слава богу, все обошлось!

— Много русских живет в Стамбуле?

— Я общаюсь только с теми, кто из первой волны, таких мало. У нас есть своя церковь, мы там встречаемся. Я среди наших дам самая молодая.

Скользящей походкой ловкого танцора к нашему столу подошел Теодор. Мы познакомились. Он заговорил по-французски, но говорил так быстро и так свободно, что я спасовал, и разговор наш не состоялся.

Я сказал Алевтине Иоанновне:

— Представьте себе, что у вас появилась возможность вернуться на родину. Как бы вы посмотрели на это?

Слабая улыбка тронула ее губы.

— Ну, вы же понимаете... вся жизнь прошла здесь, а потом,— в ее блеклых глазах вспыхнул огонек непримиримости,— все-таки мы живем здесь кто как хочет!..

Сказала и сразу поднялась. Видимо, мой вопрос не понравился ей, да и пауза кончилась, пора было приниматься за работу.

Оркестр играл в честь «профессора» весь свой русский репертуар: «Подмосковные вечера», «Эй, ухнем», «Очи черные» и «Калинку».

Теодор оказался на высоте. Он пел все эти песни по-своему талантливо, выкидывая всякие неожиданные колена. «Калинку» он не только пел, но и танцевал, комично подкидывал фалдочки пиджака, демонстрируя бешеный темперамент.

Всему приходит конец, даже гостеприимству в квадрате. Мы попрощались с Алевтиной Иоанновной и Теодором, и сын Дабрибея — им оказался бледный молодой человек, поцеловавший мою руку,— отвез меня в отель.

Я поднялся к себе в номер и, не зажигая света, вышел на балкон. Стамбул, таинственный, греховный, сверкающий, дышал ночной свежестью. По Босфору медленно двигались судовые огни. Осмелевшие к ночи собаки лаяли навзрыд. Река времен спокойно текла в своем обычном русле, в заданном ей природой направлении.

...Утром меня снова разбудил муэдзин.

АНТОНИНА

1

Когда Антонине было девятнадцать лет, она служила вольнонаемной официанткой на фронте, в столовой штаба армии — пухленькая, белотелая блондинка, а глаза — как чернички. Очень расторопная, услужливая. С хорошенького личика не сходит улыбка.

Однажды немцы выбросили воздушный десант автоматчиков в расположение штаба. Генерал, командующий армией, дал приказ всем взять автоматы и винтовки и занять круговую оборону.

Антонина тоже лежала с автоматом в наспех отрытом окопчике на опушке редкого хвойного леса. Умирая от страха, Антонина выпускала диск за диском в белый свет как в копеечку и кричала лежавшему поодаль офицеру связи при штабе армии капитану Орлову:

— Товарищ капитан, да где же они там прячутся, паразиты эти, их даже вовсе и не видно!

Она чуть приподнялась на локтях в своем окопчике — хотела увидеть «этих паразитов», — не увидела, но зато услышала, как над самой ее головой резко, коротко свистнули пули.

Немецкие десантники наделали шуму и ушли ни с чем. А у Антонины пошла с того дня любовь с капитаном Орловым.

Должность офицера связи самая, пожалуй, опасная из штабных должностей. Ночью и днем, в жару и в стужу, в пургу и в ливень мчится офицер связи из штаба на передовую с секретным пакетом в полевой сумке. Мчится то на летающей «этажерке» — на небезбедном милом фронтовом дружке самолетике У-2, то на танке, то на истрепанной штабной эмке или на газике, то на попутной полуторке со снарядами, а то и пробирается на своих двоих — где бегом, где ползком, а где и на карачках. Нарвался на противника — первым делом надо уничтожить пакет, а потом уж можно и себя!

Капитан Орлов был смел и удачлив, из самых опасных передраг выбирался целым и невредимым. Вернувшись в штаб, на коротких тайных свиданиях с Антониной, лаская ее торопливо и грубовато, говорил ей, посмеиваясь:

— Я, Тонечка, уверен, что останусь живой, мне цыганка в Брянске нагадала. С войны, сказала, вернешься, красивый офицерик, целеньким, женишься, и будет у тебя трое детей — две девочки и один мальчик, назовешь его Митей.

— Ванечка, а на ком женишься — не сказала тебе брянская цыганка? — спрашивала Антонина, замирая от капитанских поцелуев.

— Кроме как на тебе, не на ком!

Однажды за завтраком капитан Орлов шепнул Антонине, подававшей ему жареную колбасу с картошкой:

— Посылают в полк к Паховову. Трудная задача.

— Когда едешь?

— Через полчаса.

— Зайди попрощаться, я тебе бутербродиков приготовлю!

— Постараюсь! — шепнул капитан и громко прибавил: — За сигаретами зайду к вам позже, несравненная Антонина.

Когда капитан, уже готовый к поездке, в белом, туго подпоясанном овчинном полушубке — была зима, — в новенькой щегольской ушанке, как всегда сдвинутой чуть набекрень, в скрипучих ремнях амуниции, тоже новенькой, снова появился в столовой, там сидел, заканчивая запоздалый завтрак, сам начальник штаба армии полковник Мартыненко, сухарь и службист.

Козырнув полковнику, капитан Орлов подошел к Антонине. Они стояли и молча глядели друг на друга — их стесняло присутствие в столовой начальника штаба армии. Наконец капитан обернулся к Мартыненко, сказал, преодолевая смущение:

— Разрешите попрощаться с Тоней, товарищ полковник.

— Разрешаю! — буркнул строгий полковник Мартыненко и закрылся газетой.

Капитан и Антонина поцеловались крепко, истово, троекратно, порусски — так, как целуются, прощаясь, муж и жена. Антонина сунула в карман капитанского полушубка сверток с бутербродами. Капитан

повернулся налево кругом и, уходя, еще раз козырнул начальнику штаба.

— Спасибо, товарищ полковник!

— Ни пуха ни пера! — проворчал полковник и, отложив в сторону газету, занялся едой.

Из этой поездки капитан Орлов в штаб армии не вернулся. Прошло время, и его объявили пропавшим без вести.

Антонина много и горько плакала, очень похудела и подурнела. С поразившей ее самой беспощадной ясностью она почувствовала, что всю женскую радость, отпущенную ей жизнью, она, пожалуй, уже выпила до дна в те считанные ночи, когда, выскользнув тайком из общей женской палатки, кралась при свете луны на заветную лесную полянку, где ожидал ее капитан Орлов. Но потом молодость и фронтовая жизненная стремнина с ее каждодневными утратами, скорбями и радостями взяли свое. Она не то что примирилась с гибелью капитана Орлова — она приняла эту гибель как свою долю во всеобщей беде. «Всем досталось, и мне тоже!»

Но улыбка теперь редко когда освещала ее лицо — Антонина замкнулась, стала хмурой, неразговорчивой и казалась старше своих лет.

2

В поверженном Кенигсберге, когда война уже шла к концу, к Антонине посватался начальник полевой армейской почты со странной фамилией Макаронин, человек обстоятельный, даже хороший, но скучный. Антонина его предложение приняла и после демобилизации уехала с мужем в Москву.

Макаронин стал начальником отделения связи в одном из отдаленных от центра районов столицы, а Антонина пошла работать по своей специальности официанткой в столовую, вскоре выдвинулась там, и ее сделали заведующей. Работала она хорошо, честно, к ее рукам ничего не прилипало. Так и жила, расплываясь телом и твердея безулыбчивым лицом.

Жили они с мужем в двухкомнатной удобной квартире, в достатке. Родился сын — здоровый мальчик. Антонина назвала его Дмитрием, Митей!.. Он подросток, пошел в школу, приносил хорошие отметки и хвастал ими перед матерью.

— Мам, гляди — ни одной трешницы!

Антонина брала дневник, говорила: «Умница сынок!», — а потом переводила взгляд с четверок и пятерок в дневнике на толстые, обстоятельные Митины уши и с горечью думала: «Хоть бы ты наозорничал чего-нибудь такого... из ряда вон выходящего, Макаронин-младший!»

Однажды ехала она в метро. Надо было побывать на базе, распушить ее деятелей за плохое снабжение — авось и удастся под шумок заранее спланированного скандалчика вырвать у этих жадюг комбинаторов что-либо дефицитное для своей столовой. Базовые начальники — она знала это — ее побаивались:

— Эта фронтовичка, будь она неладна, как вцепится — с мясом ее от себя не оторвешь. Лучше уж кинуть ей кусок — пусть подавится!..

На попутной остановке зашел в вагон пожилой мужчина с палочкой. Темное демисезонное пальто, на голове теплая шапка из меха ондатры, виски в седине. Встал к Антонине спиной. Стоит, опирается на палку, а на скамье рядом сидит, уткнув нос в книгу, парнишка-лохмач, на голове цветная вязаная шапка — не то детская, не то женская. Антонина не выдержала:

— Молодой человек, уступите же место! Пожилей товарищ стоит, а вы сидите как пень! И тем более он с палочкой!

Парнишка нехотя встал, буркнув что-то себе под нос. Пожилой с палочкой сел на скамью, молча, равнодушно кивнул Антонине головой — поблагодарил. И вдруг стал смотреть на нее в упор. Антонина замерла вся: тигровые, желтые глаза с тем же прищуром, только не зорким, как тогда, а усталым, глядели прямо в ее душу! Слово солнечным слепящим светом залило весь грохочущий вагон. Антонина хотела на всю вселенную закричать, а сказала тихо, чуть слышно, наклоняясь вперед к нему, сидевшему напротив:

— Товарищ капитан!.. Ваня!.. Это ты?!

— Антонина!.. Вот это встреча!..

Оглушенные и ошеломленные, они поднялись рывком, пробились к передней стенке вагона, где народу было поменьше. Слезы душили Антонину.

— Ванечка... Да как же это ты?! Ведь нам объявили, что ты... без вести!

— Объявили, а я взял и сам объявился! — Желтые глаза на мгновение стали жесткими. — Ну, это целая история!.. Потом!.. Давай рассказывай!..

— Что, Ваня?!

— Все! Для начала — где живешь? Здесь, в Москве?

— В Москве. А ты?

— Тоже в Москве. — Капитан Орлов назвал улицу.

Антонина ахнула:

— В нашем районе! На пенсии или работаешь?

— Работаю! На молокозаводе, технологом.

— Господи, да ведь мы же вашу продукцию потребляем. Я, Ванечка, столовой заведу. Детские сырки у вас хорошие, просто прелесть, а вот творожок... извини, но иной раз никуда не годится!

— Не уследишь за всем!.. Да что ты... про творожок! Черт с ним! Замужем, Антонина?

Антонина потупилась:

— Замужем! Сын у меня школьник. Поздно я его родила... Врачи даже не советовали рожать... но так уж получилось. Митей назвала. А ты, Ваня, женат?

— Женат!

— И детки есть?

— Насчет деток наврала брянская цыганка. Девочек у меня нет, есть два хлопца — Митя и Леша... Надо нам повидаться, Антонина. На ходу всего не расскажешь.

— Надо, Ваня! Хотя и ни к чему это теперь, а надо!

Они обменялись служебными номерами телефонов. Капитан Орлов вышел на остановке из вагона, а Антонина проехала еще два перегона и тоже вышла.

Она шла по тротуару в своем мохеровом колпаке-одуванчике ядовито-алого цвета, в готовом пальтишке с серым стандартным каракулевым воротником, в высоких сапогах на молнии — и улыбалась. Кому? Всем! Удивленным прохожим, троллейбусам, автомашинам, домам и вывескам — всему этому огромному, загадочному городу, который вдруг выплеснул ей в сердце такую удивительную радость: он жив! И что из того, что она узнала об этом слишком поздно, главное — он жив, жив!

Ее остановили мальчишки-школьники, и один — за плечами незастегнутый ранец, глаза янтарного цвета, круглые, нахальные, как у воробья, — сказал вежливо, даже кротко:

— Тетя, можно вас спросить?

— Спрашивай, деточка.

— Вы чокнутая, да?

— Почему — чокнутая? — удивилась Антонина.

— Потому что вы идете, улыбаетесь и сами с собой разговариваете!

Антонина засмеялась, потрепала мальчишку по румяной щеке, сказала весело:

— А ты озорник, я вижу!

И подумала: «Вот бы и мой Макаронин-младший такой же бойкий был, как этот. — Но тут же спохватилась: — Зато он у меня хорошо воспитанный!»

И пошла дальше, на базу.

СОДЕРЖАНИЕ

Она была красивая женщина (повесть)	3
Гостеприимство в квадрате	39
Антонина	43

Леонид Сергеевич ЛЕНЧ

ОНА БЫЛА КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА

Редактор Ю. С. Новиков

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 23.01.84. Подписано к печати 13.03.84. А 00339.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,15. Тираж 96 000 экз.
Изд. № 640. Зак. № 2138. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

ВИДЫ ВКЛАДОВ

● Если у Вас постоянно возникает необходимость в пополнении вклада или же, наоборот, в получении его частями, Вам целесообразно открыть **ВКЛАД ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ**. Доход по нему выплачивается из расчета два процента годовых.

● Повышенный доход — три процента годовых — Вы сможете получить при внесении денег на **СРОЧНЫЙ ВКЛАД**. Такие вклады принимаются на срок не менее шести месяцев. Дополнительные взносы и получение частями, за исключением причитающихся процентов по этим вкладам, не производятся. Если у Вас появится необходимость получить деньги раньше шести месяцев, Вам будет выплачен доход из расчета не три, а два процента годовых.

● Выиграть ту или иную сумму Вам поможет **ВЫИГРЫШНЫЙ ВКЛАД** — удобная и интересная форма хранения сбережений. Доход по выигрышным вкладам выплачивается в виде выигрышей, из каждой тысячи счетов выигрывают 25.

● Если Вы внесете деньги во **ВКЛАД НА ТЕКУЩЕМ СЧЕТЕ**, то сможете распоряжаться ими, не заходя в сберегательную кассу. В этом случае Вам выдадут расчетную и чековую книжки. Достаточно выписать чек, и деньги будут выданы лицу, которое указано в чеке. Чек можно также выписать и на предъявителя.

● К Вашим услугам — **УСЛОВНЫЕ ВКЛАДЫ**. При внесении денег на эти вклады оговаривается определенное условие получения их вкладчиками: например, выдать после окончания учебного заведения, достижения вкладчиком совершеннолетия и т. д.

**Российское республиканское Главное
управление Гострудсберкасс СССР**